

АРЬЕ БАРАЦ

НАЗНАЧЕННОЕ ВРЕМЯ

АРЬЕ БАРАЦ

НАЗНАЧЕННОЕ ВРЕМЯ

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-3
ББК 84-4
Б24

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Барац Арье

Б24 Назначенное время / Арье Барац. — [б. м.] : Издательские
решения, 2023. — 152 с.
ISBN 978-5-0060-1185-4

Не явилось ли христианство срывом какой-то иной собственно иудейской миссии, которую возложил на себя Иисус из Назарета?

Его судьба подобна судьбе бумеранга, который приобрел мировую славу благодаря своей способности возвращаться к охотнику, но основным предназначением которого является все же поражение цели.

В повести «Назначенное время» предпринимается попытка реконструировать, каким мог быть план «А» галилейского чудотворца, и почему осуществился план «Б», породивший христианскую цивилизацию.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0060-1185-4 © Арье Барац, 2023
© Лия Барац-Аруш, дизайн обложки, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Трудно найти человека, о жизни которого было написано столько книг, сколько о Йешуа Аноцри, но лишь немногие принадлежат его сородичам, традиционно видящим в нем антигероя еврейской истории.

Рассмотреть в основоположнике христианства фигуру ортодоксального иудея, представить его как своеобразный «еврейский типаж» — каждый по-своему — попытались Хаим Козн («Йешуа — суд и распятие» (1968), Давид Флуссер («Йешуа» (1969) и Хаим Маккоби «Революция в Иудее» (1973)

Однако убедительность их исследований неизбежно вызывает вопрос: как могло случиться, что «типичный» правоверный иудей породил религию на протяжении веков отрицавшую вечность Синайского Завета, отрицавшую сам смысл еврейского существования?

Не содержит ли евангельская история так же и какой-то собственно иудейский подтекст? Не вычитывается ли в ней также и какой-то положительный для еврейского мира смысл? Если Йешуа действительно нельзя упрекнуть в ереси, то, быть может, он выполнял какую-то собственно иудейскую миссию, срывом которой явилось христианство?

В повести «Назначенное время», расцвечивающей знакомые евангельские сцены неожиданными иудейскими интерпретациями, предпринимается попытка выявления именно такой тайной миссии.

Сказанное, однако не означает, что повесть эта представляет интерес исключительно для еврейского читателя. Для христианина она не менее занимательна.

Дело в том, что христианский (библейский) взгляд по самой своей сути бинокулярен. Он призван исходить одновременно, как из «новой», так и из «ветхой» точки.

Причем этот собственно «новый» христианский взгляд одновременно отличается не только от «ветхого» иудейского, но и от «древнего» («античного») греческого видения. Древние идолослужители мыслили боговоплощение совсем не так, как это предложила делать Церковь.

В «Деяниях апостолов» приводится следующая характерная история: «В Листре жил человек, не владевший ногами; он был хромым от рождения и никогда не ходил. Он слушал то, что говорил Павел. Павел же посмотрел на него и увидел, что у того есть вера для исцеления.

— Встань на ноги твои прямо! — громко сказал он каляке.

Тот вскочил и начал ходить. Люди увидели, что сделал Павел, и стали кричать на ликаонском языке:

— К нам сошли боги в образе людей!

Они называли Варнаву Зевсом, а Павла Гермесом, потому что говорил в основном он.

За городом был храм Зевса, и его жрец привел к городским воротам быков и принес венки, желая вместе с народом принести им жертву.

Когда же апостолы Варнава и Павел слышали об этом, они разорвали свои одежды, кинулись в толпу и стали кричать:

— Опомнитесь, что вы делаете? Мы такие же люди, как и вы! Мы принесли вам Радостную Весть, и мы хотим, чтобы вы оставили этих бесполезных идолов и обратились к живому Богу, Который создал небо и землю, море и все, что в них» (Деяния 14:8)

Очевидно, что вера в воплощение Гермеса, исповеданная листрийцами, отличалась от веры в воплощение живого Бога, исповеданной Церковью. Первая подразумевала циркуляцию энергии внутри единой системы (эманация),

вторая — полное отсутствие исходной связи (творение из ничего).

Между Гермесом и Павлом язычниками не мыслилось того онтологического разрыва, который исходно усматривали христиане между Божиим Сыном и Сыном человеческим.

Характер связи, сформулированный между ними на Халкидонском соборе («неслиянно и нераздельно», «истинный Бог и истинный человек») предполагает, что Йешуа каким-то образом должен был совершить только человеческими средствами то, что он совершил средствами сверхчеловеческими — божественными.

Этот парадокс предельно заостряется в следующей поэтической формулировке Бориса Пастернака:

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства
И стал теперь как смертные, как мы.

В своей книге «Теология дополнительности» я спрашиваю по этому поводу: но «если Он стал действительно таким же смертным, какими являемся и все мы, и не обладал отныне преимуществами своей божественной природы, то не тем же ли самым явилось бы простое доверие дела искупления кому-то из самих нас, смертных, то есть кому-то, и без того никаким всемогуществом не наделенному?

Да и можно ли в такой ортодоксально-христианской формулировке вообще отличить «бывшего», то есть воплотившегося Бога, от природного смертного?

Итак, Иисус не мог бы совершить того, что он, согласно христианской вере, совершил, если бы в каком-то ином смысле этого не предполагал тот путь Галахи, по которому он шел наравне со всеми иудеями. Иисус не мог бы быть отмечен той «богоравностью», которой его наделяет Цер-

ковь, если бы какой-то иной «богоравности» не предполагал иудейский подход.

Христианство получает право на свою собственную трактовку природы Иисуса («истинный Бог и истинный человек») только тогда, когда оно предоставляет аналогичное право также и трактовке иудейской, формулировку «истинный Бог» недвусмысленно отвергающей.

Иными словами, Иисус может восприниматься в качестве Бога неевреями только в том единственном случае, если Он будет оставаться в глазах евреев не Богом, а рядовым служителем Торы.

Причем такого рода диалогизм конгениален общим тенденциям современного христианства, в центре внимания которого (по словам католического теолога Сесбуэ) «прежде всего Иисус — „истинный человек“ и лишь затем Иисус — „истинный Бог“, что говорит о полном перевороте в классической проблематике, к которой многие ныне относятся критически, так как видят в ней практическое монофизитство». Или, как еще более определенно выразился другой католический теолог, Иоганн Баптист Мец, «христология должна найти свое выражение в иудейском образе веры»^[1].

Таким образом, любое позитивное иудейское осмысление личности Йешуа и его религиозного опыта невольно оказывается значимо не только для иудеев, но также и для христиан.

Повесть «Назначенное время» была включена автором в роман-трилогию «День шестой», где она служит своеобразным «прологом» к шеллинговской «Поэме Мирового духа».

Однако повесть эта, во-первых, представляет собой также и вполне независимый интерес, а во-вторых, настоящее издание содержит ряд существенных дополнений, относящихся как к самой повести, так и к авторскому предисловию к ней.

ЙЕШУА АНОЦРИ В ТРАДИЦИИ ИУДАИЗМА

«ТОТ ЧЕЛОВЕК»

Как относится к Йешуа Аноцри еврейская традиция?

Имя это обыкновенно иудеи даже не произносят, называя его «тот человек», а когда произносят, то нередко представляют аббревиатурой — ЙеШУ — «Йимах Шмо Везихро», то есть расшифровывают, как — «да сотрется имя его».

Никто никогда в еврейском мире не обвинял Йешуа в том, что он вообразил себя божеством. Обыкновенно ему приписывается занятие магией или недолжное использование своих каббалистических познаний. Наиболее обстоятельно эта версия излагается в средневековом сочинении «Толдот Йешуа».

Считается, что такого рода обвинения впервые прозвучали в Талмуде, который собственно и задал соответствующий подход. Однако в действительности талмудические свидетельства выглядят крайне неоднозначно: в Талмуде описываются два «Йешу Аноцри», равным образом не имеющих ничего общего ни друг с другом, ни с евангельским Йешуа.

На 107 странице трактата Сангедрин говорится о том, что при царе Яннае, правящем почти за столетие до Понтия Пилата некий Йешу Аноцри был отлучен от общины своим учителем рабби Йеошуа бен Перахией, после чего «поклонился черепку» и «сбил Израиль с пути».

В других местах (Сангедрин 43а, Сангедрин 67а и Тосефта Сангедрин 10:11) сообщается о некоем Йешуа Бен Стаде, который был казнен накануне Песаха, но в Лоде, а не в Иерусалиме. При этом он был побит камнями по приговору еврейского суда за колдовство, а не распят по приговору римского суда за претензию на царский титул. Кроме того, он находился под арестом сорок дней,

а не одну ночь. Тем самым отличается, как мы видим, все: место событий, выдвинутые обвинения, политический субъект, вынесший приговор и соответственно, способ умерщвления. Единственное сходство — казнь была произведена в месяце Нисан.

Описания посвященные Бен Стаде не содержат исторической привязки, однако еврейские комментаторы как раз не относят эти события к периоду правления Пилата. Так, например, Тосфот Рош, в комментарии на «Сота» (47а), утверждает, что Бен Стада был казнен при царице Елене, в преддверии разрушения Храма, а в другом комментарии тософистов (Шабат 104.б) сообщается, что Бен Стада жил при Бар-Кохбе, и не соответствует евангельскому Йешуа (ср. также Сефер Йохсин 1).

Итак, сложно поверить, что Талмуд и Евангелие говорят об одном и том же лице.

Имеется, впрочем, еще одно место, в котором имя Йешуа упоминается — это 57 лист трактата Гитин.

В этом фрагменте описывается, как задумавший принять иудаизм римлянин Онкелос советуется по поводу своих планов с находящимися в геенноме душами Тита, Билама и Йешуа Аноцри.

И Тит, и Билам признают, что в грядущем мире Израиль занимает центральное положение, но в то же время отговаривают своего собеседника принять иудаизм. В свою очередь Йешуа поддержал Онкелоса, сказав о евреях: «Ищи им добра, и не ищи зла; кто выступает против Израиля, как будто повреждает зеницу ока своего» (Захария 2:12)

Далее сообщается, что Йешуа претерпевает наказание за то, что насмехался над словами мудрецов. В заключении же говорится: «Приди и взгляни, какая разница между грешниками Израиля и пророками народов! Что посоветовал (Онкелусу) Билам, бывший пророком, а Йешу, который из грешников Израиля, говорил к их благу».

Между тем в этом фрагменте опять же нет никаких признаков того, что Гемара подразумевает того самого Йешуа Аноцри, который знаком человечеству по Евангелиям. Напротив, читателю естественней заключить, что беседовавшим с Онкелосом еврейским грешником являлся какой-либо из двух других одноименных персонажей, а именно Бен Стада или ученик рабби Йеошуа бен Перахии.

Если же предположить, что в трактате Гитин говорится именно о евангельском Йешуа, то мы должны признать, что отношение Талмуда к нему неоднозначное: с одной стороны, он повинен в легкомысленном отношении к еврейской мудрости, но с другой — предан Израилю и остается на ортодоксальных позициях: следуя его совету, римлянин Онкелос становится не христианином, а иудеем — более того, становится одним из великих еврейских мудрецов!

О том, что проблема — с точки зрения мудрецов — была создана не Учителем, а его еврейскими последователями, косвенно свидетельствует также определение слова «миним» данное Раши в комментарии на Рош-Ашана (17.а): «миним» — «ученики Йешуа Анацри, обернувшие слова Бога живого ко злу».

ФАРИСЕЙ

Но почему, если предположить, что в Гитин действительно говорится о евангельском Йешуа, он числится среди «грешников Израиля»? Когда и где он смеялся над словами мудрецов?

Ни еврейские, ни христианские источники не дают нам ни одного убедительного примера таких насмешек.

Евангелие постоянно заостряется на конфликте между Йешуа и фарисеями, представляя его как столкновение «нового» и «ветхого», истинного и лицемерного, живого и формального.

Евангелисты на каждом шагу пытаются убедить читателя в том, что фарисеи тем только и заняты, чтобы уловить Учителя на какой-нибудь «насмешке», на какой-нибудь крамоле («И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове» Марк 12:13)

На протяжении веков заявка на это столкновение между Йешуа и фарисеями принималось всем миром за чистую монету.

Первая научная попытка восстановления образа «исторического Иисуса», предпринятая в 1835 году Давидом Штраусом, традиционно противопоставляет его учение «безотрадному, мрачному фарисейству» («Партия фарисеев... внушала массам нелепую мысль, будто все дело заключается во внешности»).

В изданной в 1863 году книге Ренана «Жизнь Иисуса» это отношение полностью сохраняется: «К счастью для него, он не изучал и причудливую схоластику, которая преподавалась в Иерусалиме и должна была вскоре составить Талмуд. Если некоторые фарисеи уже успели занести ее в Галилею, он не посещал их, и когда впоследствии притронулся к этой вздорной казуистике, она внушила ему только отвращение»^[2].

Однако в XX-ом веке многим стало ясно, что в действительности не столько фарисеи «поддавливали» Йешуа на «насмешках» над Законом и уклонениях от него, сколько евангелисты «поддавливали» фарисеев, на их враждебности к Йешуа.

Многие, прежде всего еврейские исследователи, убедительно показали, что Йешуа сам был фарисеем, и что его критика не выходила за пределы той самокритики, которую можно найти в Талмуде, например в трактате Сота (22.6), где приводится список семи типов фарисеев (среди которых имеются и отрицательные), или в различных высказываниях вроде приведенного в трактате Бава Мециа (30): «Иерусалим был разрушен за то, что в нем жили только по закону и не делали ничего сверх закона».

При всем своем старании евангелисты не смогли утаить, что Йешуа был нормативным ортодоксальным иудеем, каковыми на поверку оказываются лишь фарисеи.

Автор исследования «Революция в Иудее» (1973) Хаим Маккоби пишет: «Аргументы, которые Евангелия приводят как используемые Йешуа против фарисеев, на самом деле суть фарисейские аргументы. Стиль проповеди Йешуа также типично фарисейский. Он был фарисеем, и описание его в качестве антифарисея есть часть попытки представить его мятежником против еврейской религии, а не мятежником против Рима»^[3].

Хаим Козн в книге «Йешуа — суд и распятие» (1968) замечает: «Йешуа не только свободно и естественно вращался в кругу фарисеев с детских лет, но продолжал учить их и „законоучителей“, пришедших, очевидно, в качестве его учеников „из всех мест Галилеи и Иудеи и Иерусалима“, а в субботние дни часто и охотно принимал приглашения фарисеев на трапезы»^[4].

Давид Флуссер в своем исследовании «Йешуа» (1969) пишет: «Йешуа видел в фарисеях живых наследников Моисея и потому говорил, что в жизни необходимо руководствоваться их учением. Хотя на Иисуса косвенное влияние, вероятно, оказало ессейское движение, он, в сущности, был укоренен в ортодоксальном, несектантском иудаизме, мировоззрение и практику которого представляли фарисеи»^[5].

«Очень часто не замечают, что фарисеи, постоянно фигурирующие в евангелиях как противники Иешуа, в истории так называемого процесса над Иешуа во всех синоптических евангелиях отсутствуют... Когда первосвященник-саддукей начал преследовать апостолов, фарисей раббан Гамлиэль заступился за них и спас их от расправы» (Деяния 5:17–42).

В другом случае, когда Павел предстал перед синедрионом в Иерусалиме, ему удалось спасти свою жизнь благодаря тому, что он обратился к фарисеям (Деяния 22:30–23:10). Затем, когда в 62 г. брат Иешуа Иаков и, вероятно, еще несколько христиан были противозаконно казнены первосвященником-саддукеем, фарисеи обратились к царю — и первосвященник был отстранен...

Можно предположить: фарисеи не появляются в трех первых евангелиях в качестве обвинителей Иешуа, поскольку в то время (в 80-е гг. I в.) все еще хорошо помнили, что фарисеи осуждали выдачу Иешуа римлянам. Авторы синоптических евангелий, вероятно, не могли вписать фарисеев в рассказ о процессе над Иешуа, так как в противном случае их сообщению никто бы не поверил. С другой стороны, они не сочли уместным упоминать о факте протеста фарисеев, поскольку древним историям об Иешуа они уже придали антифарисейскую направленность»^[6].

К схожим выводам приходили и другие ученые, так что в настоящее время не только отдельные христианские исследователи остерегаются относить фарисеев к врагам Иешуа, но и сама церковь иногда высказывается схожим образом.

Так «Комиссия Апостольской Столицы по делам религиозных отношений с иудаизмом» 24 июня 1985 года заключила: «Иешуа еврей, и остается им навсегда. Его служение изначально ограничивается „овцами“ дома Израилева. Иешуа во всей полноте человек своего времени и своей па-

лестино-еврейской среды 1-го века. Он делил ее радости и надежды... Нет никаких сомнений в том, что он хотел подчиняться Закону (К галатам 4:4), что он был обрезан и принесен в Храм как любой другой еврей своего времени и был воспитан в правилах соблюдения Закона, уважения Закону и послушания ему... Не исключено, что некоторые упоминания о врагах или мало симпатичных евреях обязаны в историческом контексте конфликту между рождающейся Церковью и иудейской общиной. Некоторые полемики отражают подробности отношений между евреями и христианами, которые хронологически имели место гораздо позже Йешуа».

Итак, никаких «насмешек» над словами мудрецов Евангелия не содержат. Откуда же произошло это обвинение?

По-видимому, из отношения церкви, для которой осмеяние учения еврейских мудрецов стало неотъемлемой частью вероисповедания.

Вот что изрекали отцы Церкви в адрес евреев в ту пору, когда записывался трактат Гиттин: «Богоубийцы, убийцы пророков, враги Господа, богоненавистники, недруги милосердия, враги веры своих отцов, заступники дьявола, змеи, клеветники, богохульники, люди, чьи души блуждают во мраке» (Григорий Нисский). Или: «Синагога хуже публичного дома... это притон негодяев, логово диких зверей... капище демонов, поклоняющихся идолам... прибежище бандитов и развратников, пристанище дьяволов» (Иоанн Златоуст).

И все же исходная неоднозначность талмудических образов всегда оставляла возможность альтернативного подхода, и имеются авторитеты (в том числе Рабейну Там, Рамбан, Рабейну Йахияэль Парижский, р. Йехиэль Гальперин и, наконец, р. Яков Эмден) прямо утверждающие, что Талмуд не содержит упоминаний об основоположнике христианства.

Это молчание можно объяснить только одним образом: мудрецы не могли позволить себе сказать о Йешуа и ничего дурного, и ничего доброго. Дурного, потому что это было бы неправдой, а доброго — потому что их бы неправильно поняли.

Позиция составителей Талмуда поэтому оказалась двойственной. С одной стороны, спасая своего товарища от дурной славы, они приписали авторство антисемитского вероучения сомнительным личностям — Бен Стаде и отлученному при Яннае Йешу, а с другой — все же поместили в ад насмехавшегося над традицией «Йешу Аноцри», который однозначно не идентифицируется, но, как правило, все же отождествляется с основоположником христианства.

Тем самым церковный грех презрения к мудрецам оказался перенесен на евангельского Йешуа, однако все же таким образом, что возможность его полной реабилитации сохраняется.

Причем намек на такую возможность закодирован в самом Талмуде.

РАББИ И РАВВИ

На чем зиждется вера Церкви в воскресение Иисуса?

В Евангелии от Луки говорится: «Когда они говорили о сём, Сам Иисус стал посреди них и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите;

ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости ещё не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печёной рыбы и сотового мёда. И, взяв, ел пред ними». (Лук 24:36—43)

Итак, первоначально ученики посчитали Явившегося «духом», т.е. приведением. Он же в свою очередь объявил, что таковым не является и в качестве доказательства предложил себя коснуться, «ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня».

В большинстве явлений это действительно так, в большинстве случаев духи видимы, но не осязаемы. В большинстве, но все же не всегда.

В самом деле, в Торе описываются бестелесные существа, вполне доступные осязанию. Как бы иначе была возможна борьба Йакова с Ангелом? Каким образом оказалось повреждено бедро патриарха?

То же касается и приема пищи. Так, например, три «мужа», посетившие Авраама приняли его угощение («Он возвел очи свои, и увидел: и вот, три мужа стоят возле него... и взял масла и молока, и теленка, которого приготовил, и поставил перед ними; а сам стоял подле них под деревом. И они ели» (Быт 18:1—8)).

То же самое описывается при явлении ангелов Лоту: «И пришли те два ангела в Сдом вечером, а Лот сидит у ворот Сдома... Он сделал им пир и испек опресноки, и они ели» (Быт 19:1—3)

Что же касается явления усопших душ, то и они вполне способны проникать в этот мир с получением высшего — осязательного — «допуска», позволяющего принимать участие в трапезах.

Весьма убедительное свидетельство такого рода явлений дается в книге д-ра Элизабет Кюблер-Росс «Жизнь, смерть и жизнь после смерти».

Автор описывает явление души, пытавшейся убедить ее не оставлять проекта по исследованию ОСО.

Вот несколько фрагментов этой истории: «Всю дорогу от лифта до кабинета я спрашивала себя, правда ли то, что я вижу. Говорила сама себе: «Я просто переутомилась. Мне нужен отпуск. Я должна непременно потрогать эту женщину, чтобы понять, действительно ли она существует». Я коснулась ее, чтобы увидеть, как она рассеется от прикосновения. Потрогала ее кожу, чтобы проверить, теплая она или холодная. Я подавляла даже самую мысль, что это видение в действительности может быть фрау Шварц, которая за несколько месяцев до этого была погребена... Наконец я подошла к своему письменному столу. Потрогала все предметы, которые были мне хорошо знакомы. Провела рукой по письменному столу, погладила его поверхность, пощупала стул. Все это было реальным.

И, представьте, я все еще надеялась, что эта женщина, наконец, исчезнет. Но она оставалась на месте и настойчиво повторяла: «Доктор Росс, вы меня слышите? Ваша работа еще не окончена»...

Я тем временем думала: «Бог мой, никто мне не поверит, если я расскажу о том, что сейчас переживаю. Даже мои самые близкие друзья не захотят слушать меня». Наконец ученый во мне победил, и я обратилась к фрау Шварц с некоей существенной информацией. А именно, я сказала: «Вы должны знать, что пастор Г. сейчас живет в Урбане. У него там церковный приход и он определенно будет рад получить от вас несколько строк. Вы не имеете ничего против?» И протянула ей карандаш и лист бумаги.

Естественно, у меня не было намерения отправлять эти строки моему другу. Но я нуждалась в научном вещественном доказательстве, так как само собой подразумевается, что никто из погребенных не может писать письма. Но эта женщина с ее преисполненной любви улыбкой, казалось, могла читать все мои мысли. Взяв бумагу, она написала

пару строк, и, естественно, потом мы поместили этот листок в рамку и храним как величайшую ценность.»^[7]

Итак, душа фрау Шварц была не только зрима, но и осязаема.

Такого рода наблюдения невольно ставят под вопрос слова Евангелия: «Пришёл Иисус, когда двери были закрыты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фома: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в рёбра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!» (Иоан 20:26–28)

С учетом вышесказанного ясно, что уверенность Фомы в том, что его собеседник был человеком во плоти, а не бесплотным духом, обосновывалась не столько осязанием, сколько призывом «быть верующим». Фома поверил Учителю, и в конечном счете именно эта вера явилась основанием христианского исповедания.

Вера Церкви опирается на свидетельство самого Иешуа, т.е. на его собственное отношение к себе как к человеку из плоти и крови.

Добавить к этому, вроде бы, нечего. Между тем евангельские свидетельства содержат одну – галахическую – подробность, которая убедительнее любых слов подтверждает, что отношение Учителя к себе было именно таким.

Талмуд учит, что «мертвый освобожден от исполнения заповедей». Это, например, проявляется в разрешении хоронить усопшего в саване, сотканном из шерстяной и льняной нити (такого рода одежда строго запрещена евреям для ношения). (Дварим 22:11)

При молитве на могиле праведника душа последнего не учитывается в миньяне (т.е. в кворуме молящихся, насчитывающем минимум 10 человек).

Эта галаха проявляется также и в том, что хотя дух может участвовать в трапезе, он не может ее возглавлять:

произнесенное духом благословение на пищу лишено силы, т.е. живые не могут ответить на такое благословение «Аминь».

Между тем, в Евангелии сообщается, что Йешуа не только ел с апостолами, но именно благословлял пищу. Более того, благословлял хлеб, что наряду с благословением вина является и вовсе особым священнодействием.

«И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них... И они рассказывали о происшедшем на пути, и как Он был узан ими в преломлении хлеба». (Лук 24:30) «Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу». (Иоан 21:13)

Эти евангельские свидетельства посмертных явлений Йешуа его ученикам, уместно сопоставить в аналогичным талмудическим описанием, касающимся Рабби.

В Талмуде в трактате Ктубот (103 а) рассказывается, что незадолго перед смертью Рабби Йеуда Анаси (ок. 135 — ок. 220) попросил своих сыновей, чтобы после его похорон те зажигали в его комнате свечу, стелили постель и накрывали на стол. Так после смерти Рабби являлся в своей комнате по субботам и ел вместе с домочадцами.

Явления праведных душ после их смерти в равной мере знакомы и христианской и иудейской традициям. Вместе с тем невозможно указать третьей истории, в которой бы явления эти продолжались некоторый период времени сразу после смерти праведника и сопровождались бы совместными трапезами.

Сходство этих историй обретает и вовсе уникальный характер, если принять во внимание, что вино и хлеб благословлял... сам Рабби, а не его сыновья!

Талмуд этого прямо не утверждает, между тем в «Сефер хасидим» сообщается буквально следующее: «Когда мертвый становится виден, то даже если он похоронен в саване, явиться он может в любой одежде, которую по-

желает. Один раз в одежде, в которой похоронен, другой — в прежней одежде. Так Рабби Анаси можно было видеть в прекрасной одежде, которую он надевал в Шаббат, а не в саване, объявляя тем самым, что он все еще в силе освобождать других от их долга в освящении дня (т.е. вина и хлеба), а не как другие мертвые, которые освобождены от исполнения заповедей» (Сефер хасидим 1129).

Рав Овадья Йосеф (1920–2013) подчеркивает, что эту историю следует понимать как исключительный случай, допущенный по специальному пророческому вдохновению, и что он никак не может повлиять на общий принцип «мертвый свободен от соблюдения заповедей».

Между тем этот «исключительный случай» буквально напрашивается на то, чтобы его сопоставили с евангельским свидетельством.

Нет никаких оснований сомневаться в правдивости талмудической истории, т.е. в том, что Рабби действительно являлся после смерти своим близким и даже освящал Субботу. Однако трудно поверить, чтобы рассказ об этих явлениях не учитывал христианского контекста, не представлял бы собой скрытой полемики с ним.

Прежде всего следует обратить внимание на поразительную осмысленность самой этой параллели, т.е. на осмысленность сопоставления Йешуа и Рабби.

Действительно, иудаизм и христианство основываются на одном источнике — ТАНАХе. Христиане именуют его «Ветхим заветом», который рассматривается ими глазами завета «Нового». Со своей стороны иудейская трактовка ТАНАХа представлена в Талмуде. Причем формировались эти подходы в один исторический период и с известной оглядкой друг на друга.

Но в той же мере, в которой Йешуа оказался родоначальником «Нового завета», Рабби — явился родоначаль-

ником Талмуда. Ведь именно он инициировал запись устного предания.

Исходно Писание и Предание противостояли друг другу не только по сути (как Кодекс и Комментарий к нему), но и по форме. Трактовка Торы, дарованной Богом в письменном виде, могла даваться мудрецами исключительно в устном. Но когда это требование стало угрожать утратой преемственности традиции, рабби Йегуда Анаси его отменил, сославшись на слова Писания: «Время действовать ради Господа: они нарушили Тору твою» (Псал 119.126).

Если Йешуа «нарушил» Тору, противопоставив ее общечеловеческое ядро покрову эксклюзивного еврейского Закона (отличающего избранный народ от прочего человечества), то Рабби «нарушил» Тору, позволив ее эксклюзивную трактовку конспективно записывать.

При этом оба реформатора возводятся по своему происхождению к царю Давиду, и оба получили одно прозвище — Рабби! Ведь именно так, и только так обращались люди к Йешуа («Они сказали Ему: Равви, — что значит: учитель, — где живешь?») «Равви! посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла»).

Записывая, историю посмертных явлений Рабби, мудрецы, конечно, не могли исходить из идеи параллелизма иудейской и христианской традиций, которая и сейчас — в перспективе тысячелетий — не всем бросается в глаза.

Но, во-первых, параллель эту установил сам Всевышний, пославший Рабби из потустороннего мира встречать субботы вместе со своими домочадцами, а во-вторых, своим сопоставлением мудрецы эту параллель невольно признавали.

Более того, мудрецы и, прежде всего сам Рабби, не только были хорошо знакомы с христианским вероучением, но следили за внутри-церковной полемикой и, по-разному относились к различным веяниям христианства.

Об этом ясно свидетельствует другая талмудическая история, приведенная в трактате Хулин (87.6)

К Рабби пришел христианин («мин») и истолковал слова пророка Амоса «Он — создатель гор и творец ветра» (4:13) в дуалистическом смысле: «создавший горы не сотворил духа и сотворивший дух не создавал гор». Рабби опроверг его вывод, напомнив конец пасука: «Бог Цваот имя Его».

Но христианин не сдался и заявил, что у него есть на это хорошее возражение, которое он окончательно сформулирует через три дня. Рабби оказался встревожен. Три дня он провел в посте, а когда ему доложили о появлении оппонента, произнес слова псалма, в свое время прозвучавшие в устах распятого Йешуа («Когда жажду я, поят меня уксусом» 69:22)

Но вместо прежнего собеседника перед ним предстал другой христианин, который сказал: «Благую весть принес я тебе: тот христианин не нашел ответа, сбросился с крыши и умер».

Обрадованный Рабби немедленно предложил гостю, который оказался «родовитым римлянином» по имени Бар Левианус, разделить с ним трапезу, сопровождавшуюся благословением вина!

Используемые в этой истории детали и обороты, вплоть до выражения «Благая весть» не оставляют сомнений в том, что мудрецы, и в первую очередь Рабби, не только внимательно следили за развитием христианской мысли, но вполне благожелательно относились к определенным ее направлениям. Более того, представитель одного такого направления — Бар Левианус был даже допущен Рабби до участия в фарисейской трапезе!

Трактовку слов Амоса, предложенную первым христианином, обычно считают «маркионистской», дуалистической: один бог создал горы, второй — ветер; одно божество создало материю, второе — дух.

Маркион умер, когда Рабби было под тридцать, таким образом не удивительно, что тема двоебожия в ту пору активно обсуждалась.

Между тем профессор Михаль Бар-Ашер Сигаль отмечает, что упомянутый в Гемаре пасук Амоса привлекался христианами также при обсуждении вопроса триединства, в связи со статусом Святого Духа. Одни находили в словах пророка подтверждение идеи его предвечности (в качестве лица троицы), другие — в пользу его сотворенности.^[8]

А эта трактовка открывает путь к иным догадкам.

Действительно, хотя вопросы триединства уточнялись Церковью веками позже, некоторые дискуссии закладывались еще во времена Рабби.

Так отец церкви Ориген (185–254), по существу, отрицал предвечность Сына, а для идеи несотворенности Святого Духа и вовсе не находил в Писании никаких оснований. По этой причине три века спустя церковь объявила Оригена еретиком.

Между тем известно, что Ориген находился в дружеских отношениях с мудрецами Талмуда. В своих сочинениях он сообщал, что часто советовался с еврейскими учёными о значении отдельных мест ТАНАХа, а в «*Contra Celsum*» выступает даже в защиту еврейства. По-видимому, Ориген находился в близких отношениях с рабби Ошайей, главой академии в Кесарие, и по его собственным словам, был знаком с патриархом по имени «Ἰούλλος», которого исследователи идентифицируют как рабби Йегуду.

Как мы помним, второго — «хорошего христианина» звали Бар Левианус. К имени этому (нигде более в Гемаре не упоминающемуся) трудно отнестись, как к имени собственному. Это явное прозвище.

Действительно, в переводе с арамейского «Бар» — значит сын, в переводе с латинского *Levianus* значит — Свет, т.е. — «хорошего христианина» звали... Сын Света.

Естественно предположить, что прозвище это было присвоено мудрецами Оригену, вокруг учения которого веками велись яростные споры, и которое в конце концов было осуждено церковью.

Вполне вероятно, поэтому, что именно с Оригеном беседовал Рабби за фарисейской трапезой, и, что именно такого рода беседы навели последнего на мысль, испросить у Всевышнего право на ряд экстраординарных посмертных явлений.

Этими явлениями Рабби поставил под вопрос евангельскую интерпретацию посмертных встреч Аноцри со своими учениками: духом или телом после своей смерти он «явился Кифе, потом — Двенадцати; затем свыше чем пятистам братьям одновременно, затем Йакову, потом всем апостолам»? (1 Коринф 15:6).

В начале III веков, когда по инициативе Рабби началась запись Устной Торы, мудрецы, конечно, еще хранили собственное предание о подлинном Аноцри, т.е. помнили, что он был один из них, были осведомлены о его посмертных явлениях, и даже как мы видим, признавали некоторых его последователей «сынами света», благочестивыми потомками Ноаха.

Открыто сохранять это свое собственное предание, доверять его бумаге мудрецы не рискнули. Но они все же ясно дали понять — Аноцри относился к их кругу. Дали понять это, во-первых, тем, что перевели стрелку авторства христианства на его «однофамильцев» -колдунов; во-вторых, тем, что сохранили историю о совместной трапезе Рабби с «хорошим» христианином, и, в-третьих, тем, что сопоставили Йешуа с Рабби, давшего этому сопоставлению веский повод своими посмертными явлениями.

Таким образом, в рамках иудаизма вполне правомочен подход, согласно которому Йешуа — ортодоксальный благочестивый еврей. Подход этот последовательно развил раввин Йаков Эмден (1698—1776) в своем комментарии

к мидрашу «Седер Олам Раба ве Зута»: «Известно, что Аноцри (Назарянин) и его ученики тщательно соблюдали Тору Израиля („һизһиру ал шмират Торат-аИсраэлим“) ... Согласно тому, что говорится в евангелии, Назарянин и его ученики вовсе не пришли затем, чтобы отменить Тору, не приведи Боже... Не правы считающие, будто Назарянин пришел полностью упразднить иудаизм, но только к народам пришел он, чтобы установить религию, которая на самом деле не новая, а старая — и это семь заповедей Ноаха. Что же касается сынов Израиля, то он обязывал их исполнять Тору до мельчайших деталей... Он всеми силами укреплял Закон Моше. Никто из наших мудрецов не заявлял столь громогласно как он, о важности вечного исполнения Торы».

Раввин Йаков Эмден — значительный авторитет Нового времени, один из «ахроним», мнение которых (в силу лучшего обзора исторической перспективы) признается доминирующим над мнением предшественников. В тех редких случаях, когда кто-то из «ахроним» высказывается против принятого прежде мнения, его подход признается определяющим.

Положительно отзывался о Йешуа также и основоположник религиозного сионизма рав Авраам Ицхак Кук (1865—1935): «Его личность обладала чудесной силой, движения его души были велики, хотя и не избежали языческой ущербности. Он укреплял душевные устремления путем исключительного нравственного и учительского служения. И до такой степени посвятил он свою душу этим потокам и так был им предан, что утратил израильскую определенность».^[9]

Таким образом, исследования Давида Флуссера и других еврейских исследователей Евангелий с полным правом можно представить не частными разработками, а углублением того собственно иудейского подхода, согласно которому Йешуа следовал словам мудрецов, был одним из них.

Но как такое возможно? Как Иешуа мог без малейшего со своей стороны повода оказаться в столь щекотливом положении? Каков мог быть собственно иудейский смысл его миссии, которую опустили евангелисты, а евреи не были способны сохранить?

РЕВОЛЮЦИЯ В ИУДЕЕ

Эту миссию в высшей степени убедительно выявляет Хаим Маккоби в своей книге «Революция в Иудее». Он представляет Иешуа не просто «исторической фигурой», он представляет его «Иисусом керигмы (проповеди)», но только не христианской, а еврейской «керигмы», которая не могла не иметь политического измерения.

«Евангелия говорят нам, — пишет Маккоби, — что когда Иешуа применял выражение „Царство Божие“ и „Мессия“, он имел в виду нечто совершенно отличное от значения, придаваемого этим словам всеми прочими евреями того времени. Но это невероятно по существу. Если он имел в виду нечто совершенно иное, то зачем же он вообще пользовался этими выражениями? Зачем говорить „диктатура пролетариата“, если вы на самом деле хотите сказать „Боже, царя храни“? Если Иешуа хотел сказать, что царство его не от мира сего, что у него нет никаких политических целей и он абсолютно ничего не имеет против римской оккупации Святой земли, то зачем он стал бы употреблять выражения, которые всей массой его соотечественников понимались как политические и революционные? Евангелия претерпели процесс искажения, в результате которого из них было удалено политическое измерение. Это

не ограничилось деполитизацией ключевых фраз „Царство Божие“, „Мессия“, „спасение“, и „сын Давидов“, вся политическая атмосфера времени Иисуса была изменена до неузнаваемости. Вместо обстановки бурлящего политического недовольства нам рисуют картину мирной римской провинции»^[10].

Но почему евангелисты затушевали политическую действительность? Маккоби в следующих словах восстанавливает ход их мысли: «Что думали христиане Рима, когда Иудейская война затянулась, и лица римлян были повсюду обращены к евреям с ненавистью? Что думали они, когда глядели на процессию закованных в цепи еврейских пленников, проходящую по улицам Рима среди проклятий ликующих толп, и когда слышались возгласы дикого восторга при известии о смерти Симона Бар Гиоры? Что они думали, мы можем узнать, читая Евангелие от Марка, написанное как раз в то время, и другие три Евангелия, проводившие далее линию, впервые начертанную Марком. Здесь мы можем видеть, как христиане, бывшие первоначально сектой полностью еврейской, отмежевались от евреев в час их поражения.

Их путали с мятежными евреями по одному тому, что Бог, которому они поклонялись, был евреем, к тому же распятым за мятеж. Где же решение этой злополучной проблемы?

Оно должно было напрашиваться с ясностью прямо-таки ослепительной и казаться им богоданным. Йешуа боролся не против римлян, а против евреев! Они получили Евангелие от иерусалимских иудео-христиан. Но это Евангелие казалось им теперь искаженным проеврейским пристрастием. Да, оно наверняка было искажено, иначе просто быть не могло, и теперь на их долю выпало исправить его и восстановить факты такими, какими они должны были быть! В таком-то умонастроении Марк и сел писать свою версию Евангелия»^[11].

Так из биографии Йешуа оказался полностью удален политический контекст, а сам он оказался представлен борцом не с римлянами, а с фарисеями.

Гипотеза «зелотской» подоплеку евангельской истории высказывалась задолго до Маккоби, но многими воспринимается скептически.

Так библеист Глеб Ястребов пишет в связи с книгой Юлии Латыниной «Иисус. Историческое расследование» (2018): «Идея, что Иисус был зелотом (антиримским повстанцем), часто всплывает у охотников за сенсациями, но очень редко — в науке. Ее ввел в оборот Реймарус (18 век) и особенно отстаивали Айслер (1920-е) и Брэндон (1960-е). Их доводы были отвергнуты подавляющим большинством ученых. Стало быть, если Латынина хочет низвергнуть консенсус, она должна ответить на высказанную критику».

Между тем, видный историк Ричард Хорсли объясняет непопулярность «зелотской» теории вовсе не убедительностью критики в ее адрес, а совершенно посторонними причинами: «Многих исследователей Нового Завета — в том числе и некоторых наших наставников — глубоко взволновала книга „Иисус и зелоты“, которую опубликовал Сэмюель Брэндон. Быть может, еще сильнее западных ученых, исследующих Новый Завет, встревожила связь антиколониальных движений и устроенных на Западе студенческих манифестаций с требованиями к ученым и университетам раскрыть свое отношение к антиколониальным программам. Оскар Кульман, признанный авторитет, прежде рассуждавший о Новом Завете и государстве без резкой полемики, и Мартин Хенгель, незадолго до того представивший синтетическую реконструкцию движения „зелотов“, немедленно выпустили брошюры, решительно заявив, что Новый Завет не дает нам никаких поводов считать Иисуса в каком бы то ни было смысле „революционером“. В их трудах

мы видим, как интерпретаторы Нового Завета из всех сил отрицали какую-либо связь деятельности Иисуса с политикой, — из опасения, что его примут за революционера. Но в этом примере заметно и другое: крайнее противопоставление религии и политики в изучении исторического Иисуса».^[12]

Итак, доводы Айслера и Брэндона «были отвергнуты подавляющим большинством ученых» по соображениям, весьма далеким от научных. Ученых пугало — и пугало совершенно оправданно — привлечение Евангелия для раздувания пожара мировой революции.

Разумеется, предпочтительнее, чтобы Йешуа отождествляли с князем Мышкиным, чем с Петром Верховенским, хотя он равно далек и от того, и от другого. Однако, в конечном счете важно выяснить, кем он был на самом деле, а тут без «зелотского» следа никак не обойтись.

Более того, на «зелотский» след нас наводит также и один достаточно широкий научный «консенсус». Немало библистов и независимых исследователей убеждены, что Евангелия не являются «надежным источником» во всем, что связано с судом над Иисусом.

Германский юрист Вединг Фрикке в своей книге «Кто осудил Иисуса?» пишет: «Согласно „детеологизированным“ исследованиям, евангелисты вполне могли изобрести историю о том, что еврейские власти сговорились с целью умертвить Иисуса. Необходимо помнить, что евангелия составлялись в то время, когда христианская община, первое поколение которой состояло исключительно из евреев, отмежеввалась от иудаизма и вошла в конфликт с религией, породившей ее. Христианство уже на раннем этапе своего существования сочло необходимым показать, что Иисус не был связан ни с одним еврейским повстанческим движением. Только так Павел, который проповедовал не на своей родине, но обращался к евреям и язычникам за пределами Палестины, мог

рассчитывать на успех в Римской империи. Разгром еврейского восстания против римлян в 70 г. н. э. обострил эту необходимость. В наши дни в теологических кругах часто можно услышать мнение, что полное поражение Иудеи было достаточной причиной для составителей евангелий, чтобы переложить на евреев вину за смерть Иисуса»^[13].

Новозеландский писатель Бейджент Майкл (1948–2013), в книге «Бумаги Иисуса» высказывает следующие соображения: «Первое, и очень важное замечание – в ту эпоху к распятию приговаривали за политические преступления. Однако по свидетельству Евангелия Пилат отдал судьбу Иисуса в руки толпы, которая потребовала распятия, обвиняя его в ереси. По законам Иудеи наказанием за такое преступление служило побитие камнями. Распятие – это римская казнь, к которой приговаривали за подстрекательство к мятежу, а не за религиозные воззрения. Одно это противоречие иллюстрирует, что события тех дней переданы в Евангелии не совсем верно. Может быть, составители Евангелия старались скрыть от нас какие-то важные детали? Или пытались переложить вину на других?

Можно не сомневаться, что Иисус был приговорён к смертной казни за политические преступления. Мы также уверены, что первую скрипку в этом судебном процессе играли римляне, а не власти Иудеи – в чём бы нас ни пытались убедить Евангелия. Евангелисты прекрасно справились со своей задачей – современному христианину кажется немыслимым, что Иисус мог заниматься политической деятельностью. Тем не менее ещё пятьдесят лет назад профессор Сэмюэл Брэндон из Манчестерского университета обратил внимание на эту теологическую неточность: «Неоспоримым остаётся важный факт – смертный приговор был вынесен римским прокуратором

и приведён в исполнение римскими чиновниками». Далее профессор Брэндон продолжает: «Не подлежит сомнению, что движение, связанное с [Иисусом], имело, по меньшей мере, некоторое сходство с мятежом, чтобы римляне признали в нём возможного бунтовщика и казнили его по этому обвинению»^[14].

Кому-то этот «детеологизированный» вывод может показаться разрушительным для христианской веры, несовместимым с ней.

Действительно, внутренняя драма Евангелия построена на том, что Бог в очередной раз оказался отвергнут избранным Им народом: смертный приговор Мессии выносит еврейский Первосвященник, «Агнец Божий» приносится в жертву евреями в рамках их извечной неверности Богу. В Новом завете еврей — это негативный, в лучшем случае амбивалентный персонаж — народ-богоборец, обеспечивающий возможность принесения искупительной жертвы.

Однако, после того, как Ватикан громогласно заявил, что на еврейском народе нет вины за распятие Иисуса, у церкви открывается путь и для иных трактовок, первой из которых оказывается именно «зелотская».

То, что евангельским антигероем оказывается не еврейский Первосвященник, а римский Император, никоим образом не мешает христианской вере. Тысячи первохристиан погибли, отказываясь приносить жертвы Императору. Их мятеж продолжал мятеж их Учителя. Восстановление исторической правды в этом вопросе в интересах всех.

Итак, «зелотская» трактовка евангельской истории и научна, и канонична одновременно. Причем «каноническим» смыслом ее наполняет как раз трактовка Маккоби.

Оригинальность его гипотезы состоит в том, что свой мятеж Йешуа вознамерился осуществить прибегая не столько к искусству полководца, сколько чудотворца.

Маккоби считает, что ночная прогулка Йешуа на Масличную гору с учениками вооруженными двумя мечами

(Лука 22:38) была попыткой вступить в войну, в ту последнюю войну Гога и Магога, о которой поведал пророк Иезекиль: «И будет в день тот, в день прихода Гога на землю Израиля, — слово Господа Бога! — возгорится гнев Мой в ярости Моей» (38:18–39:8).

Другое пророчество об этой войне записано в книге Захарии: «Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани. И станут ноги Его в тот день на Масличной горе, которая пред лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится Масличная гора от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, и половина ее — к югу. И вы побежите в долину гор Моих; ибо долина гор будет простираться до Асила... и придет Господь Бог мой и все святыя с Ним. ... И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя его — едино... И вот какое будет поражение, которым поразит Господь все народы, которые воевали против Иерусалима...» (Захария, 14:3–21).

«Воюющие против Иерусалима», — пишет Маккоби, — были не кем иным, как римлянами, языческими варварами, объединившими народы в великую империю и поднявшими лица свои против Бога. Он же, Йешуа из Назарета, был тем, которому пророк адресовал свои инструкции, Мессией, который въедет в Иерусалим на молодом осле и встанет в «долине гор» вместе с горсткой «святых», чтобы стать свидетелями явления славы Божией на Масличной горе.»^[15]

«Он верил, что время для исполнения пророчеств настало... что произойдет великая битва против римлян, куда евреев поведет потомок царя Давида, что битва эта будет сопровождаться чудесами, окончится победой Мессии и евреев, которые затем вступят в эпоху независимости; что она будет и эпохой мира, когда богоданная миссия евреев как народа Господня будет признана всеми народа-

ми, а Храм в Иерусалиме станет рассматриваться как духовный центр мироздания».^[16]

Итак, Йешуа поднялся на Масличную гору в сопровождении вооруженных двумя мечами учеников, чтобы в завязавшемся бою побудить Всевышнего к вступлению в обещанную Им войну, чтобы вызвать на римлян страшные казни, подобные тем, которыми Всевышний некогда покарал египтян!

Маккоби объясняет столь отчаянное выступление Йешуа его психологическими особенностями: «Можно возразить, что в этом рассказе Йешуа выглядит безумцем. Неужели он мог ожидать, что пророчества Захарии буквально исполнятся в эту ночь на Масличной горе? Почему он так уверен в том, что знает точный час исполнения пророчеств и что они исполнятся именно через него? Как личность Йешуа обладал характером, который сегодня был бы назван холерическим или даже маниакальным, то есть обычно пребывал на вершине энтузиазма и эйфории. Это позволяло ему совершать чудесные исцеления и производить на своих соратников такое сильное впечатление, что они не могли дать памяти о нем умереть. Он не был Йеудой Галилеянином или Бар-Кохбой, которые тоже считались мессиями, но обладали обычным темпераментом. Те пытались захватить власть, потерпели неудачу, на этом все и кончилось. Не случайно религия нового мира выросла именно вокруг Йешуа.

Позднейшим христианским эллинистам понадобилось сделать один только шаг, чтобы превратить пламенную убежденность Йешуа в своей вселенской миссии в догму о его божественности. А его уверенность в победе, одержанной рукой Бога, а не методами партизанской войны, — в пацифистскую потустороннюю доктрину, переносящую концепцию победы в «духовный» план. Маниакальный темперамент Йешуа стал главной движущей силой раннехристианской церкви с ее экстатическим ду-

хом, всемирными амбициями и убежденностью в конечной победе».^[17]

Между тем признание Маккоби того факта, что все восстания иудеев против римлян, начиная с Йеуды Галилеянина (6—7 г. н.э.) и кончая Бар Кохбой (135 н.э.) были именно мессианскими движениями, снимает необходимость объяснения «казуса Йешуа» его маниакальностью. Все восстания иудеев против Рима с прагматической точки зрения были отчаянными, были маниакальными и безумными, все они, в конечном счете, делали ставку на поддержку небес.

Иосиф Флавий пишет: «Главное, что поощряло их к войне, — двусмысленное пророческое изречение, находящееся также в их священном писании и гласящее, что к тому времени один человек из их родного края достигнет всемирного господства»^[18].

Флавий же приводит одну историю, имевшую место через пару десятилетий после евангельских событий, подтверждающую правдоподобность гипотезы Маккоби: «некий египтянин, выдававший себя за пророка, уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Масличной горе. Тут он обещал легковверным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город. Когда Феликс узнал об этом, он выступил из Иерусалима и нагрянул на приверженцев египтянина»^[19]. Об этом «пророке» упоминается также в «Деяниях апостолов» 21:38).

Таким образом, для принятия решения выступить против Римской империи с двумя мечами, не нужно было быть маньяком, достаточно было просто получить убедительный «знак свыше».

Нам остается только предположить, что таким «знаком» явилось провозвестие разрушения Храма.

Действительно, Йешуа выступил ровно в то самое время (за сорок лет до разрушения Храма), когда мудрецам стало открываться, что Израиль ждет катастрофа (Йома 39.б; Гитин 56.а).

Но самое главное, что это открылось и самому Йешуа («приступили ученики его, чтобы показать ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено» Мф 24:1).

Йешуа помнил слова пророка: «беита ахишена» — «в назначенное время ускорю» (Йешайя 60:22); он понимал (как это выясняется в Сангедрин 97а), что досрочное Избавление предпочтительнее, так как предупреждает бедствия («удостоитесь — ускорю, не удостоитесь — в назначенное время»). И решился выступить.

Пытаясь разрешить некоторые евангельские противоречия, Маккоби предположил, что Йешуа решил претворить свой план Избавления в Суккот, хотя и был казнен полгода спустя на Песах.

Такое отклонение от общей евангельской линии едва ли представляется оправданным. Тем более, что точная дата выступления была известна из пророческого предания: «в Нисане было избавление, и в Нисане в будущем произойдет избавление» (Рош-Ашана 11.а) Это положение прекрасно объясняет восхождение Йешуа на Масличную гору именно в пасхальную ночь — в пасхальную ночь 3790 года.

Следует оговориться, что в иудейской традиции принято датировать разрушение Храма 68-м годом (таков результат расчета, произведенного Раши в комментарии на «Авода зара» 9.а). Т.е. отсчет «сорока лет» должен вестись с 28, а не с 30 года. Между тем общепринятая историческая датировка (70 год) также фигурирует в различных традиционных текстах и является полностью приемлемой (см. например, комментарий Амаор Агадоль на толкование Рифа к «Авода зара» 2).

Чуда не произошло, мессианский выстрел, произведенный Йешуа в 3790 году, оказался холостым. Но что тогда значит, что эта попытка избавления привела к возникновению самой представительной мировой религии, благодаря которой с одной стороны ТАНАХ распространился во всем мире, а с другой евреи оказались в этом мире изгоями?

ВОСКРЕСАЮЩИЙ БОГ

Протестантский теолог Бультман объясняет предпосылки этих процессов следующим образом: «Древнейшая община, видимо, считала его Мессией, но она не приписывала Иисусу в связи с этим наличия особой метафизической сущности, которая служила бы основой для авторитетности его слов. Хотя на основании его авторитета она исповедовала, что Бог сделал его Царем общины. Эллинистическое же христианство сразу превратило Иисуса в „Сына Божия“, приписав ему божественную „природу“, и таким образом ввело в обиход способ рассмотрения его личности, абсолютно чуждый ему самому».^[20]

Этот «способ рассмотрения» напрямую связан с «религиями спасения» крайне распространенными среди окружающих евреев народов. Маккоби в следующих словах пишет об этом явлении: «Культы мистерий начали обещать своим посвященным бессмертие, не в том смысле, что их тела будут жить вечно, но в том, что души будут освобождены от телесных оков и вознесутся в мир Духа... Эти культы имели долгую историю и в своих истоках восходили к доисторическим культам плодородия.

В своей первоначальной форме они включали человеческие жертвоприношения, в которых жертва умерщвлялась для возобновления жизненных сил природы. После символического воскрешения эта жертва обретала божественную природу и заслуживала поклонения. Но в позднейших эллинистических проявлениях эти религии уже не были связаны с человеческими жертвоприношениями. Они стали спиритуализированными и полными аллегорического смысла. И связывались уже не с плодородием, а с обновлением и спасением индивидуальной души.

Их главным содержанием были смерть и воскресение божества; целью мистерий было дать посвященным приобщиться к этой смерти и воскресению и тем самым обрести бессмертие и богоравный статус»^[21].

Именно «религии спасения» сформировали вероучительное и культовое ядро церковного христианства.

О том, что в христианском культе присутствуют элементы поклонения умирающим и воскресающим растительным божествам, было известно всегда. На протяжении веков не афишировалось, но и не являлось секретом, что знаменитый тропарь « (некто) воскрес из мертвых, смертию смерть поправ» взят из песнопений в честь «умирающего и воскресающего» Диониса.

Вполне сознающий влияние этих мифов и мистерий на церковный культ о. Павел Флоренский пишет: «Есть иные, которые пытаются уязвить культ, покивая на сродство, якобы ими изобличенное, весеннего церковного цикла — весеннего поста и весенних празднеств — <и> почитаемых воскресающих божеств, „духов растительного мира“, как очень удачно формулировали исследователи религии... Ну да, конечно, это так именно, за одним только исключением, что при таких нападках всякая религия, кроме христианской, уже заранее осуждена, и вопрос только идет о том, как бы поколебать христианство. Эти наивные возражатели, в сущности, считаются с ис-

ключительностью христианства более самих христиан, тогда как последние вовсе не нуждаются в таком глубоком разрыве со всем человечеством и вовсе не думают, что на всем протяжении истории человечество жило одними только глупостями. При таких возражениях делается открытие, запоздавшее по меньшей мере веков на осьмнадцать, ибо уже апологеты твердили о христианстве как энтелехии обще человеческой религии и видели в Христе исполнение, полноту и гармонию всех человеческих предчувствий, томлений, надежд и смутно памятуемых откровений. Ну да, эти возражения правильны, но только слабы, робки: надо говорить не о подобии указываемых там представлений христианским, а — дерзну сказать — о тождестве их, нумерическом тождестве. Сами ясно не сознавая, языческие пророки, хотя и коснеющим языком, говорили не о чем ином, как именно об этом самом, совершившемся в определенный год и день, воскресении этого Самого, родившегося в Вифлееме, „распятого же за ны при Понтийстем Пилате“, — Спасителя мира. Сквозь туманы истории и мутную среду расстроенной человеческой души, языческим пророкам уже виделись еще неясные и сбивчивые очерки грядущих событий»^[22].

Но, похоже, пришло время договорить этот тезис до конца, и признать, что «откровение» о «воскресении родившегося в Вифлееме, — „распятого же за ны при Понтийстем Пилате“ — Спасителя мира» сложилось в первую очередь именно на основании прозрений «языческих пророков» (прозрений циклического возрождения), а не пророков Израиля, понимание воскресения которых было существенно другим (единократным историческим событием).

Еврейская и языческая теологии воскресения имеют, разумеется, точки соприкосновения. Иудейское благословение «воскрешающий мертвых» покрывает широкий диапазон Божественных проявлений, и, в частности, рас-

пространяется на дожди, на возрождение растительности. Однако акценты и векторы различны.

Если бы ученики Иешуа не сочли его воскресшим, а весть об этом воскресении не оказалась преподана в понятиях и терминах религий умирающих и воскресающих растительных божеств, мы бы очень мало знали о еще одном провале мятежа против Рима.

Но как такое могло произойти?

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Как отметил рабби Эмден, «Аноцри принес в мир двойное благословение. Во-первых, он уничтожил идолопоклонство, удалил литых богов, которым поклонялись народы, и научил их семи заповедям потомков Ноаха. А во-вторых, он дал им моральные законы, которые сделали их жизнь даже более суровой, нежели этого требует Тора Моше».

Этические и интеллектуальные достижения христианской цивилизации значительны, и можно понять Провидение, направившее народы по этому пути, пусть даже и ценой поругания Израиля, предвещенного, кстати, более чем за тысячелетие («И станешь ужасом, притчею и посмешищем среди всех народов, к которым отведет тебя Господь». (Дварим 28:37).

Но все же это продолжающееся и поныне поругание вселяет немалые сомнения и вызывает вопросы: имеется ли во всей этой истории также и какой-то смысл с «тыльной», с израильской стороны? Не присутствует ли в миссии Иешуа также и какой-то собственно еврейский «позитив»?

По-видимому, его можно усмотреть в сцене прощания Йешуа с учениками имевшего место все на той же Масличной горе.

В этом эпизоде евангелист Лука не сумел утаить, что цели Йешуа всегда были, и что особенно важно — навсегда остаются «политическими»:

«Они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?»

Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли».

Сказав сие, он поднялся в глазах их, и облако взяло его из вида их.

И когда они смотрели на небо, во время восхождения его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо. Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Масличная, которая находится близ Иерусалима» (Деяния 1:6 — 12).

Итак, ученики Йешуа связывали его миссию с «восстановлением Царства Израиля», в которое свято верили. Что же касается самого Учителя, то он их упование целиком разделял. Слова же ангелов позволительно интерпретировать в том смысле, что вернется Йешуа именно к моменту этого восстановления (когда «раздвоится гора Масличная от востока к западу»), и вернется не только затем чтобы разделить всеобщее ликование, но и чтобы скорректировать запущенный им некогда процесс.

Что-то в ту пору должно срастись. Ведь если гибель еврейского праведника обернулась беспрецедентным духовным взрывом, обновившем мироздание и «наполнившим

его вестью о Машиахе», то естественно заключить, что то был срыв (собственно иудейской) миссии чрезвычайно близкой к своей реализации, что Избавление, как мыслит его Израиль, находилось от Йешуа на расстоянии вытянутой руки.

Согласно мидрашам, Машиах родился в день разрушения Храма, т.е. 9 ава 3830 года. Но этим днем позволительно признать день вынесения небесами соответствующего приговора, а именно Йом Кипур 3790 года, в который «жребий (козлов) не выпал на правую сторону; красная лента не побелела; западный свет перестал пылать; двери святилища открылись сами собой» (Йома 39.б). Таким образом, еврейская традиция позволяет считать временем рождения Машиаха (после которого мир стал наполняться вестью о нем) пору завершения евангельской истории!

Но как тогда получилось, что на протяжении веков Йешуа мирился с ролью главного душителя свободы своего народа?! Как Ангел Эсава смог обвести вокруг пальца еврейского праведника? Как Ангел Смерти умудрился войти в историю в роли ее ведущего вдохновителя?

Ниже я предлагаю возможную литературную версию этой загадки.

АНТИДОТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

Эта версия, способствующая восстановлению доброго имени Йешуа в еврейском мире, в тоже время оказывается известным вызовом миру христианскому.

Сознавая это, я бы хотел предложить своему христологическому читателю разъяснение, которое бы могло послужить «антидотом» к предстоящему чтению.

На протяжении веков в церкви процветала уверенность в том, что именно христиане адекватно трактуют ТАНАХ. Вот как эта вера была озвучена папой Иннокентием III в энциклике *Constitutio pro Judaeis* (1198): «Не уничтожай евреев совсем, дабы христиане никогда не могли забыть Твой закон, который, хотя сами евреи и не понимают его, начертан в их книгах для тех, кто способен понять его...»

Научные успехи последних полутора столетий внесли в христианское сознание значительные коррективы. Сегодня даже многие апостольские христиане согласны с приведенным выше утверждением протестантского теолога Бульмана: «Древнейшая община не приписывала Иисусу наличия особой метафизической сущности, которая служила бы основой для авторитетности его слов.... Эллинистическое же христианство сразу превратило Иисуса в „Сына Божия“, приписав ему божественную „природу“, и таким образом ввело в обиход способ рассмотрения его личности, абсолютно чуждый ему самому».

Но как можно оставаться апостольским христианином, придерживаясь подобных взглядов? Как можно жить в ладу с христианской догматикой, считая, что исторический Иешуа себя никаким Богом не воображал?

Объяснение усматривается в приведенных выше словах о. Павла Флоренского: «уже апологеты твердили о христианстве как энтелехии общечеловеческой религии и видели в Христе исполнение, полноту и гармонию всех человеческих предчувствий, томлений, надежд и смутно памятуемых откровений».

Один из апологетов — Климент Александрийский (150—215), писал, что Иисус Христос «прежде чем явиться во плоти для спасения людей... подготовил весь христиан-

ский мир к этому спасению, дав иудеям Закон, а эллинам — философию»^[23].

Открытия эллинских философов в не меньшей мере, чем откровения еврейских пророков обеспечили теологическую базу христианского вероучения.

По сути это означает, что по вере церкви, ее религиозный опыт шире того собственно пророческого, который открылся в ТАНАХе.

«Да, — согласится такой просвещенный христианин, — только евреи хорошо понимают, что написано в их текстах, однако имеются нюансы, которые виднее как раз со стороны. Так, если идея боговоплощения в ТАНАХе полностью отсутствует, то это не значит, что Творец мира Сам ее в виду не имел. Просто Он шире смотрит на вещи, чем преподавал это Израилю, и этот „более широкий“ Божественный взгляд как раз и обнаружился в опыте церкви».

Очевидно, что при таком подходе, никакая иудейская трактовка евангельских событий церковной веры поколебать не может. Однако важно сознавать каким образом она способна эту веру подтвердить. Дело в том, что христианский гений исходно отмечен интеллектуальной биноккулярностью, не просто позволяющей, а обязывающей рассматривать истину одновременно, как с «новозаветных», так и с «ветхозаветных» позиций.

Дело в том, что в христианскую концепцию боговоплощения вмонтировано ее категорическое неприятие иудейской стороной.

В своей книге «Теология дополнительности» я пишу: «Христианская идея боговоплощения существенно отличается от схожих представлений язычников. Например, согласно учению того же индуизма невидимое, бестелесное, безатрибутивное божество, примиряясь с немощами и условностями человеческого существования, нисходит в мир, нисходит во плоти, по меньшей мере в образе вполне атрибутивных существ, и выполняет ту или иную

миссию по спасению человечества. Так, известно девять воплощений (аватар) Вишну, восьмой из которых явился Кришна, считающийся главной и наиболее адекватной формой воплощения.

Но чем тогда Кришна отличается от церковного Иисуса? Почему Церковь не идет вслед за теми, кто видит в Иисусе воплощение Вишну? В чем особенность христианства? По-видимому, в том, что для христианства крайне существенным представляется то обстоятельство, что Иисус Христос — это воплощение не «вообще Бога», а именно Бога Израилева, т.е. того единственного известного миру Бога, который принципиально воплощен быть не может. Ведь не будет преувеличением сказать, что категорический запрет на поклонение любому материальному предмету в качестве божества является основой основ иудаизма.

Таким образом, христианство, провозгласившее воплощение, изначально стоит перед коренным парадоксом, или даже лучше сказать, состоит из коренного парадокса: если воплотился Бог, который по существу может воплощаться, то это никакое не воплощение (во всяком случае смысл слова «воплощение» здесь принципиально другой, а именно индуистский, гностический смысл). Однако, если воплотился Тот, кто по существу не может воплощаться, то какой же Он тогда Невоплотимый?

Христианская мысль всегда уклонялась от заострения этого парадокса. Сами догматы были сформулированы безупречно. «Не полезно... признавать во Христе Иисусе или только Бога без человека, или лишь человека без Бога», — говорилось в послании папы Льва I, послужившем основой для решений Халкидонского собора. На этом соборе Иисус Христос был провозглашен одновременно и истинным Богом и истинным Человеком.

Эта парадоксальная формулировка по-разному и неоднократно воспроизводилась в самых разных сферах евро-

пейской культуры, и в XX-ом веке с особенной продуктивностью обнаружила себя в квантовой механике, согласно которой электрон является и истинной волной и истинной частицей.

Однако в самой христианской теологии этот открытый ею принцип дополнительности в дальнейшем никак не разрабатывался. Обыденная христианская мысль опасно перетолковывала эту догматическую антиномию в духе своеобразного монофизитства, т.е. сползала к интерпретации — только «истинный Бог» (в современной теологии подход этот получил наименование «христологии сверху»).

Истина, однако, состоит в том, — и халкидонская формулировка подразумевает это — что христианство становится самим собой только в момент признания принципиальной самодостаточности позиции иудаизма, т.е. в момент признания полной законности коренного неприятия им христианства. Без иудейского неприятия идеи воплощения идея эта теряет всю свою силу, перерождается в идею «аватары».

Таким образом, христианство получает право на свою эксклюзивную трактовку природы Иисуса («истинный Бог и истинный человек») только тогда, когда оно предоставляет аналогичное право также и трактовке иудейской, формулировку «истинный Бог» недвусмысленно отвергающей»^[24].

Я — автор приведенных строк — в боговоплощение не верю, но я не понимаю, каким образом верующий в него человек способен адекватно свою веру исповедать, не приняв во внимание еврейское видение.

ВЕРСИЯ СИНОПТИКОВ

В завершение этого затянувшегося предисловия необходимо сделать две оговорки.

Оговорка первая: данное исследование восстанавливает события в контексте наличной иудейской традиции, а не эмпирической истории (которую оно, разумеется, учитывает). Мои герои жонглируют расчетами, которые стали производиться только два века спустя. Я вкладываю в их уста высказывания из трактатов и мидрашей, которые появились заведомо позже евангельских событий.

Разумеется, какие-то устные эквиваленты аналогичных суждений во времена Иешуа существовали, но я не пытаюсь под них стилизоваться, не пытаюсь закамouflировать более отдаленные источники. Моя задача соотнести евангельскую историю именно с тем иудаизмом, который формировался на протяжении веков и сохранился до наших дней. Моя задача реконструировать евангельскую версию, раскрывающую собственно иудейские вероучительные возможности и подходы.

Оговорка вторая: Согласование евангелий работа головоломная. Хаим Коэн в своей книге «Иисус — суд и распятие» замечает по поводу различий между синоптическими евангелиями и евангелием от Иоанна: «Разногласий и противоречий много, и некоторые из них касаются предметов столь существенных, что подчас кажется, будто речь идет о совершенно различных происшествиях и личностях. Временами Иисус в Евангелии от Марка ничуть не похож на Иисуса в Евангелии от Иоанна: они говорят иначе, действуют иначе, умирают иначе»^[25].

Очевидно, что в том случае, когда согласовать версии евангелистов невозможно, не остается ничего другого, как произвольно принять лишь одну из них. По целому ряду

причин я предпочитаю версию синоптиков, и не беру в расчет версию Иоанна (отличающуюся от синоптической во всех без исключения деталях).

В первую очередь это дает о себе знать в вопросе датировки евангельских событий.

Пилат правил с 26 по 36 год, служение Иоанна Крестителя, согласно Луке, началось в 28. Таким образом, казнен Иисус мог быть с 30 по 36 год.

Как описывают все Евангелия, распят он был в пятницу. Однако, согласно синоптикам то был пасхальный день — 15 нисана, а согласно Иоанну его канун — 14, то есть день, когда закалывались пасхальные агнцы.

Таким образом, по свидетельству Иоанна, суббота совпала с Пасхой. Согласно календарю, такое совпадение имело место в интересующие нас годы дважды в 33 и 36 годах, поэтому обыкновенно годом распятия Иисуса считают 33 год. Однако между 26 и 36 годами Песах ни разу не выпадал на Пятницу, что вроде бы делает версию синоптиков попросту недостоверной.

Между тем важно понимать, что до середины IV века н.э. начало месяца определялось не путем вычислений, а наблюдалось визуально. Если в ожидаемый вечер свидетели не усмотрели нового месяца, то этот день считался 30-ым днем предыдущего месяца, и соответственно, все дни следующего месяца сдвигались на один. По этой причине евреи вне Эрец Исраэль (которые не могли быть оповещены в какой именно из дней наступил новый месяц) отмечали все праздники два дня. Согласно календарю, при Понтии Пилате Песах пришелся на четверг лишь однажды — в 30 году, а это значит, что он вполне мог праздноваться в том году в пятницу.

Впрочем, к сказанному следует добавить, что эмпирически, а не согласно алгоритму, устанавливались также и високосные годы. Иными словам, вместо ожидаемого месяца Нисан Сангедрином мог быть провозглашен Вто-

рой Адар. Таким образом Песах в том году праздновался 15 числа того месяца, который современным календарем будет обозначен как ияр. Однако соответствующая проверка интересующих нас лет не создает дополнительных версий.

Некоторые считают невозможным, чтобы Йешуа был распят в саму Пасху. Так Руслан Хазарзар пишет: «По версии синоптиков получается, что Иисуса судили и казнили в первый день по наступлении Пасхи — 15 нисана, чего категорически евреям нельзя было делать по Закону: в первый день Песаха „никакой работы не должно делать“ (Исх.12:16; Лев.23:7; Чис.28:18; Втор.16:8). Арест и суд Санһедрина, безусловно, подходят под определение *работа*. Кроме того, Симон Кириенянин не мог работать на поле в пасхальную ночь и последующее наступившее утро (Мк.15:21), ибо перед пасхальной трапезой прекращалась всякая работа (Мишна. Песахим.4:5). И Иосиф Аримафейский не мог купить погребальные атрибуты (Мк.15:43–46) в тот день, когда запрещена была вся торговля (Неем.10:31). Следует помнить, что хотя перед праздниками и совершали казни (Мишна. Санһедрин.11:4; Вав Талм. Санһедрин.89а), но в сами праздники, по иудейским законам, казнить запрещалось (Деян.12:3–4; Мишна. Санһедрин.4:1; ср. Ин.19:31)».

В этом утверждении упускается из вида, что судили и казнили Йешуа не евреи, а римляне. Как убедительно показывает Хаим Коэн, то, что представлено евангелистами Сангедрином, на самом деле было экстренным собранием, направленным как раз на спасение Йешуа (сбор противоречивых показаний).

Все действия, описанные в синоптических евангелиях, могли совершаться в праздник. Так, если речь шла именно о покупке плащаницы, то это значит, что деньги были переданы позже.

По поводу «возвращающегося с поля» Симона Кирина-янина (Мк 15:21) следует отметить, что в оригинале написано «ἐρχόμενον ἀπὸ ἀγροῦ», что можно перевести и как «возвращающийся из деревни». Такой перевод имеет широкое хождение на других языках («from the country»).

НАЗНАЧЕННОЕ ВРЕМЯ

«И народ твой, все праведники... навеки
унаследуют страну. Меньший станет тысячей,
и младший — народом сильным. Я, Господь,
в назначенное время („беита ахишена“)
ускорю это»

Йешайяу (60:22)

1

Шел 3787-ой год от сотворения мира, он же 14-ый год правления Тибериуса кесаря, и 2-ой год начальствования прокуратора Понтиуса Пилатуса в Иудее.

В то жаркое утро последнего дня весеннего месяца ия-ра жители Йерушалаима не узнали своего города. В одну ночь он был превращен в капище идолослужителей. На каждом приметном месте возвышались бюсты кесаря! Охранявшие мраморных идолов легионеры усмехались, читая ужас и отвращение в глазах горожан^[26].

Без малого век, как Рим покорил Иудейское царство. Разграбленное и униженное, двадцать лет назад оно было превращено в протекторат, но до сих пор хотя бы не попирались еврейские религиозные законы. Столь грубое осквернение Святого города совершилось впервые.

Весть немедленно распространилась по окрестностям, и в Йерушалаим потянулись побросавшие работу встревоженные селяне. Все стекались на Храмовую гору, где старейшины, священники и мудрецы жарко обсуждали случившееся.

Главные надежды возлагались в эту минуту на первосвященника Кайафу. Назначенный еще предшественником Пилатуса Валерием Гратом, Кайафа уже несколько

лет успешно — с точки зрения Рима — выполнял свою роль всенародного надзирателя. Но теперь наступил момент, когда первосвященнику представился случай добиться чего-то и для своего народа. Появление статуй не только вызывало собственное недовольство Кайафы, но и било по его престижу. У него имелось что возразить Пилатусу.

— Я отправлюсь к прокуратору в Кейсарию, — объявил он старейшинам и прушим, собравшимся у Палаты Тесаных камней. — Но со мной должны выйти также кто-то из вас — старейшин и раввинов, делегация должна быть представительной.

В полдень внушительная группа священников и раввинов вышла из Йерушалаима. Однако к ней сразу примкнуло более тысячи горожан. По дороге толпа обростала новыми участниками.

Когда же на третий день делегация приблизилась к Кейсарию, ее сопровождали уже десятки тысяч людей.

Толпа разместилась в нескольких стадиях от резидентского дворца, в который вместе с Кайафой вошли также и раввины с разорванными в знак траура одеждами.

Через четверть часа понурые они вышли обратно, и народ услышал, что Пилатус отказался удалить идолов. Увещевания первосвященника оказались напрасны.

Гул возмущения пронесся над толпой. Как небеса допускают такое поругание?! Этого невозможно было принять. Люди, не сговариваясь, уселись на землю, выказав тем самым твердое желание остаться и добиваться приказа удалить идолов.

Пилатус игнорировал просителей, но каждый день с раздражением отмечал, что толпа растет, и по его оценке, достигла уже более ста тысяч.

Наконец, на шестой день Пилатус указал всем явиться на ипподром, где он обещал сообщить свою последнюю волю.

Прокуратор воссел на судебное кресло, выставленное на крытой трибуне. Рядом с ним находился легат, несколько слуг и офицеров. Из еврейской делегации был допущен только первосвященник. Старейшины и раввины смешались с народом.

Когда толпа заполнила ипподром, Пилатус встал и взмахнул рукой. По этому знаку из нижних проемов вышли легионеры, и встав в три ряда, заняли нижние ряды амфитеатра. Скрестив руки на груди и расставив ноги на ширине плеч, они выглядели решительно и грозно.

Увидев себя окруженными, евреи смутились и безмолвно стояли, ожидая что произойдет.

— Вам придется принять мою волю и привыкнуть к изображениям императора в своем городе! — проревел прокуратор, и подождав, когда его слова будут переведены, продолжил: — Проваливайте. Тот, кто желает остаться и продолжать меня о чем-то просить, будет зарублен на этом поле.

Пилатус вновь поднял руку, и по этому знаку тысячи мечей разом блеснули в руках его воинов.

Прокуратор ожидал, что давя друг друга, люди бросятся к остающимся открытыми единственным воротам, но произошло нечто другое. Все, не сговариваясь, повалились на землю, ясно показывая, что они подставляют свою шею под меч.

Над толпой стоял гул, в котором ясно выделился общий крик.

— Лучше смерть!

— Они предпочитают умереть, игемон, — пояснил Кайафа и без того все понявшему Пилатусу.

Какое-то время он растерянно смотрел на толпу, затем качнул головой и приказал легату:

— Отправь гонца с приказом удалить статуи. — И затем, обратившись к Кайафе, добавил: — Можешь, сообщить о моем приказе своему народу.

2

Ликующая толпа расходилась.

Два молодых человека, проводших несколько дней в толпе просителей, забрели в небольшую оливковую рощу и присели в тени.

Им было не по пути: священник авиевой череды назир Йоханан бен Захария возвращался в пустыню, в пещеру, расположенную в двух часах ходьбы от Йерихо; рабби Йешуа бен Йосеф — в Нацрат, к изготовлению столов и изучению Торы.

Они были ровесники и близкие родственники. Перед расставанием им хотелось поговорить о случившемся.

— Я как будто бы видел это уже однажды! — сказал Йоханан. — У тебя не было такого чувства?

— Нет... Напротив, я ожидал худшего. Я удивился, когда Пилатус отступился.

— А я как будто это уже однажды видел. Недалек тот день, когда это случится повсюду, как сказано в книге Даниила: «Встанет царь наглый... и благодаря уму своему преуспеет он в коварстве своем, и вознесется он в сердце своем, и спокойно губить будет многих, и против Властителя властителей восстанет он, и сломлен будет без помощи рук человеческих»^[27]. Слышал? Без помощи рук человеческих!

— Ты по-прежнему веришь, что день Избавления приближается?

— Что тебе сказать? Израиль изнурен раздорами. Каждый думает лишь о себе. Многие учителя погружены в Закон, но как будто не замечают тех, для кого этот Закон написан. Но в то же время народ предан Всевышнему. Мы видели это сейчас. Что здесь поверхность, а что сердцевина? Иногда я теряюсь с ответом. Но одно я знаю определенно: когда придет Избавление, все будет именно так как сегодня, как сказано: «Пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят десять тысяч, и падут враги ваши пред вами под мечом...»^[28].

Даже от безоружных побегут они — вооруженные мечами и колесницами. Ты видел наш народ, видел, как перед его духом дрогнул зверь? Тебе не кажется, что сегодняшняя победа — это сигнал? «Знак свыше?» — спросил Йоханан, глядя прямо в глаза своему близкому другу.

Они расходились в вопросе об Избавителе.

— Пришло время сеять, но до жатвы далеко, — обыкновенно отвечал Йешуа в таких случаях. — Мы из поколения сеятелей, а не жнецов.

Полагаясь на предание, тянущееся к пророку Элияу, он твердо верил, что время Машиаха еще не пришло, что окончательное избавление, при котором народы «перекуют мечи свои на орала», а «лев будет есть солому, как вол», наступит не раньше 4000-го года от сотворения мира^[29].

Но Йоханан не соглашался. Он долго общался с пустынниками, провел некоторое время в общине «Яхад» на берегу Мертвого моря, в которой Машиаха ожидали еще с Хасмонейских времен.

Израиль в ту пору оставался независимым, однако несовершенство мира проявляло себя во всем, и Учитель Праведности — основатель этой общины — учил о скором

приближении Избавителя, долженствующего утвердить мир и порядок во всем мироздании.

Вне общины Учителя Праведности мало кто ценил и понимал: царь-первосвященник Александр Янай искал его жизни, а глава Сангедрина рабби Йеошуа бен Перахия подверг его отлучению.

— Учитель Праведности умер как раз в тот день, в который Помпеус вошел в Святая Святых, — сказал Йоханан. — Вся его жизнь прошла до Римского завоевания, однако он ждал прихода Машиаха, как избавителя всего мира.

— Он не был в ладах с мудрецами. Его пример — в мою, а не в твою пользу. Ты и сам знаешь, что время избавления не пришло.

— Но разве не сказал пророк о том, что срок этот может быть приближен? «Меньший станет тысячей, и младший — народом сильным. Я, Господь, в назначенное время ускорю это»^[30]. Толкование этих слов известно: если удостоимся — Всевышний ускорит Избавление, если нет — оно придет в назначенное время. Разве то, что мы видели с тобой сегодня — не знак того, что мы можем удостоиться? Наконец, мы настолько близки уже к назначенному времени, что ускорение само по себе ожидаемо.

— Сколько нам осталось лет до 4000 года? 200 лет примерно?

— Сейчас у нас 3787 год, значит осталось 213 лет.

— Срок немалый.

— Избавление подобно младенцу, которому надлежит родиться. Полугодовалый плод почти обречен на смерть, но уже семимесячный остается в живых. Восьмимесячный новорожденный также жизнеспособен, как и девяти. Но это то же самое соотношение, как два века к двум тысячелетиям. Мы в безопасном периоде, и поэтому нас невольно тянет на свет. Мы живем в то время, которое «назначено», то есть в то время, когда Избавление может ускориться.

Глаза Йоханана загорелись, но Йешуа недоверчиво покачал головой.

— Если бы ты жил среди людей, а не среди скал и пещер, то знал бы, что восьмимесячные младенцы выживают даже хуже семимесячных. Мы в опасном периоде. И увы, эта истина подтверждается куда более серьезными доводами.

Йешуа вспомнил урок, преподанный ему мудрецами еще в детстве. Это произошло через несколько месяцев после поражения восстания Йеуды Галилеянина, объявившего себя Машиахом.

Йешуа поднялся с родителями на Песах в Храм, остался там после праздника и несколько дней беседовал с мудрецами, среди которых находился сам рабби Гиллель, скончавшийся через несколько месяцев после их встречи. Все говорили тогда о Йеуде Галилеянине и его гибели.

Йешуа был свидетелем восстания. Он по-детски страстно поверил в мессианство Галилеянина и долго рыдал, услышав, что тот был распят.

Мнения мудрецов об этом восстании разошлись. Глава Сангедрина Рабан Гамлиэль, считал, что повод к нему — уклонение от переписи — был религиозно оправданным, а потому и расчет на поддержку небес был обоснован.

Раби Цадок с ним не соглашался, он видел в этом восстании прежде всего восстание против податей, против экономического гнета.

— Выступить против самого могущественного царства, идти почти на верную гибель из-за имущества безрассудно, — возражал он. — Можно и нужно пожертвовать жизнью, когда поруганию подвергается Тора, но собственные унижения человеку правильнее терпеть безропотно. Когда царь Ирод украсил вход в ворота Храма золотым орлом,

и все этим возмущались, никто не торопился восстать. Лишь когда Ирод занемог, рабби Йеуда бен Сепфорей и рабби Матитьяу бен Маргал подняли бунт...^[31]

— Дело не только в переписи, — возражал рабан Гамлиэль. — Иудея лишилась своего царя, пусть и поставленного Римом. Иудея была превращена в протекторат. Этому также следовало сопротивляться.

— Допустим, — возражал рабби Цадок. — Но как Йеуда решился провозгласить себя Машиахом? Разве исполнились сроки?

Мудрецы стали выяснять этот вопрос.

Оказалось, что Йеуда счел само то время благоприятным для восстания. Исполнилось 70 лет с того дня, когда Помпеус завоевал Иерушалаим и вошел в Святой Город. Ровно столько — 70 лет — длилось пленение Вавилона, срок, предсказанный пророком Йермией: «И вся земля эта будет превращена в развалины и в пустыню, и народы эти будут служить царю Бавельскому семьдесят лет»^[32].

Позже Даниил рассчитал, когда начался отсчет этих 70 лет, и даже указал загадочные сроки следующего четвертого пленения. Но Йеуда к этим расчетам не обратился, а легкомысленно заключил, что если Вавилонское пленение продлилось 70 лет, то и Римское вполне может через этот срок пошатнуться.

Мудрецы порицали его за эту ошибку, а рабби Цадок напомнил, что по расчетам Даниэля римское пленение окажется более долгим, чем Вавилонское, что до времен Машиаха осталось не менее двух веков, и мессианские настроения, пробуждающиеся в народе, не к месту и не ко времени.

— Мы выучили от пророка Элияу, — напомнил он, — что первые две тысячи лет истории прошли под знаком хаоса, следующие две тысячи лет проходят под знаком закона, и только последние две тысячи лет относятся ко вре-

мени Машиаха. Эра Закона еще не истекла. Избавитель не может прийти в ближайшее время и не придет.

— Как же тогда мы учим, что Всевышний хотел сделать Машиахом Хизкияу, а Санхерива сделать Гогом? — неожиданно возразил отрок Йешуа.

Он имел в виду великое чудо спасения Иерусалаима от неминуемой гибели, произошедшее более семисот лет назад, в 3059 году, на 14 году правления царя Хизкияу: «И было в ту ночь: вышел ангел Господень и поразил в стане Ашшурском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все они — мертвые тела. И двинулся Санхерив, царь Ашшурский, и пошел, и возвратился»^[33].

С одной стороны, это чудо повторяло египетские казни, и прежде всего избирательную гибель египетских первенцев, а с другой — предвещало чудеса грядущего Избавления, чудеса грядущей войны Гога и Магога, о которой сказал пророк: «И будет в день тот, в день прихода Гога на землю Израиля, — слово Господа Бога! — возгорится гнев Мой в ярости Моей... И буду судиться с ним мором и кровью, и ливень проливной, и град камней, огонь и серу пролью на него и на отряды его, и на народы многие, которые с ним. И Я возвеличусь, и освящусь, и появлюсь пред глазами народов многих, и узнают, что Я — Господь»^[34].

— А ты знаешь, почему Хизкияу не стал Машиахом? — с любопытством оглядев Йешуа, спросил раби Цадок.

— Да, — ответил Йешуа. — Потому что «мидат адин» — качество суда возразило: Владыка мира! Как же так? Давид, царь Израиля, несколько раз воспевал Тебе песни, но ты не сделал его Машиахом, а Хизкияу, для которого ты совершил такое чудо, а он не воспел, ты сделаешь Машиахом? На этом все и завершилось.

— Прекрасно. Так, в чем же твой вопрос?

— Но ведь из этой истории мы учим, что Он не только Хизкияу, но даже и Давида мог бы сделать Машиахом.

Значит, царство Машиаха могло начаться даже за тысячу лет до срока!

Мудрецы удивленно переглянулись. Рабан Гамлиэль потрепал Йешуа по плечу, и улыбаясь, спросил:

— Ответь. Вот ты из дома Давида. Ты вполне можешь стать Машиахом. Но разве тебе не следует сначала для этого подрасти?

— Пожалуй, — согласился Йешуа.

— Пойми, тысячу лет назад мир не пришел еще в тот возраст, в котором он способен воспринять Машиаха... Как ребенок может стать царем, но править все равно не сможет, так и Машиах мог бы прийти и тысячу лет назад, но воцариться он бы не смог. И тебе и миру предстоит еще немного повзрослеть!

Йешуа глубоко задумался. Ему двенадцать лет. Через год — тринадцать, через год он будет обязан выполнять все заповеди, как взрослый. Но управлять царством он бы едва ли решился, даже и став «бар мицва».

Йешуа привел Йоханану тот давний довод рабби Цадока.

Однако Йоханан не смутился.

— Но ведь это та же самая притча! — возразил он. — Совершеннолетие наступает в 20 лет, но уже и в 16, и уж точно в 18 человек берется за взрослое дело. Ранняя юность — это то самое «беита ахишена», то самое «назначенное время», в которое все ускоряется, все бежит на встречу своему призванию. Ты обратил внимание, что в толпе, которая сегодня готова была погибнуть, больше половины составляли подростки?

— Как было не заметить.

— Если иной подросток, едва достигший 16-ти лет, справляется с заданиями двадцатилетнего, то что говорить о восемнадцатилетнем? А ведь это то самое соотношение: два века, недостающие до завершения двухтысячелетия

Торы, это все равно как два года, недостающие до двадцатилетия! Поверь, сейчас мир достаточно повзрослел, чтобы покориться Царству Небесному. Это чувствуется уже во всеобщем его ожидании. Если Машиах придет в этот срок, пусть даже это и рановато, его дело примется миром! Сказано поэтому «беита ахишена» — «в назначенный срок ускорю это»!

— Ты указываешь на здоровую сторону, способную удостоиться избавления, но имеется и другая — больная. Народ наш слишком разъединен, учителя его слишком озабочены своим положением. Крови своих братьев наше поколение не проливает, но слишком многие ненавидят друг друга.

— В этом ты прав, покаяние должно упреждать избавление.

3

Прошло полтора года. Шел 4-ый год начальствования прокуратора Понтиуса Пилатуса в Иудее, 15-ый год правления Тибериуса кесаря. Наступила осень, пришел 3789 год от сотворения мира.

Вскоре после возвращения в Нацрат из паломничества в Йерушалаим, Йешуа услышал неожиданную новость: в верховьях Иордана, еще до его впадения в озеро Кинерет, священник авиевой череды, назир и пустынный Йоханан бен Захария созывает народ, призывает людей к покаянию и омывает раскаявшихся в реке.

Йешуа немедленно отправился на северный берег Кинерета, и действительно, неподалеку от Кфар-Нахума за-

стал своего родственника, проповедующего покаяние и погружающего раскаявшихся в воды реки. У Йоханана был одновременно воодушевленный и тревожный вид.

— Что побудило тебя к этой проповеди? — спросил Йешуа. — Что произошло?

— В пустыне истина постигается раньше, чем в городах, — ответил Йоханан. — Мне открылось, что Израиль ожидают великие потрясения. Секира уже при корне древа лежит, но молитва и раскаяние способны предотвратить бедствие. Я решил начать с Галилеи и далее спускаться вдоль Иордана до Йерихо, чтобы по возможности большее число людей услышало Слово Божие.

И далее, пристально глядя в глаза Йешуа, Йоханан добавил: — Особенно хочу я того, чтобы он меня услышал...

— Он? Кто он?

— Сын Давидов. Мы спорили с тобой, может ли Машиах прийти на два века раньше срока. Теперь у нас нет выбора. Он должен явиться. Покаяние и молитва необходимы, но на самом деле только преждевременное пришествие Избавителя может еще предотвратить катастрофу.

Йешуа был ошеломлен. Никогда он не видел своего друга в таком напряжении, в такой неподдельной тревоге.

— У тебя было видение?

— Да.

— Видениям нельзя полностью доверять. И голос, и дух могут обмануть.

— Но не Элияу. Ведь он во плоти.

То было не первое явление пророка Элияу Йоханану бен Захарии.

Десять лет назад как-то проходя вместе с Йешуа недалеко от Иордана, он огляделся и спросил:

— Ты знаешь, что это за место?

— Не знаю.

— Я скажу тебе. Это то самое место, с которого пророк Элияу был восхищен живым на небо, как сказано: «И было, когда они шли, и разговаривали, вот, появилась колесница огненная и кони огненные, и отделили они одного от другого; и вознесся Элияу вихрем в небо. Элиша же, увидев это, вскричал: отец мой, отец мой! Колесница Израиля и всадники его! И больше не видел его»^[35].

— Как тебе это известно? — изумился Йешуа.

— Он сам мне это открыл. Явился мне здесь и открыл.

Теперь пророк Элияу снова посетил Йоханана и поведал о грядущем разрушении Храма и изгнании народа из Земли.

— Я пришел помолиться на место его восхищения, — стал рассказывать Йоханан, — И он мне снова явился. Сказал, что уже секира при корне дерева лежит.

— Свету предшествовал Хаос. — пояснил мне Элияу. — Вечный Храм может утвердиться лишь на руинах временного^[36].

— Но ведь это уже свершилось! — возразил я ему. — Нынешний Храм стоит на обломках предшествующего!

И тогда он сказал, что пророчество о разрушении первого Храма касается также и второго! Он повторил те слова, которые Всевышний сказал некогда царю Шломо: «Посвятил Я этот дом, который ты построил, пребыванию имени Моего там вовеки; и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни... Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня, то Я истреблю Израиль с лица земли, которую Я дал ему; и дом, который Я посвятил имени Моему, отвергну от лица Моего... Дом этот, который был так высок для каждого проходящего мимо него, будет разрушен»^[37].

— «Но ведь сказано „если“. Значит, приговор этот еще можно отменить?» — спросил я Элияу.

— «Раскаяние, молитва и благотворительность могут отменить любой приговор. И не существует приговора, ко-

торый бы отменил эту великую истину. Как сказал Он сам, Скала Израиля: «Я владею человеком. А кто владеет Мною? Праведник»^[38].

— «Ты учил, что шесть тысяч лет просуществует мир: две тысячи лет хаоса, две тысячи лет Торы и две тысячи лет время Машиаха. До наступления этого времени осталось еще 210 лет. Можно ли настолько ускорить избавление?»

— «Известно, что если народ Израиля — все до единого — строго соблюдут две субботы подряд, то избавление придет немедленно.^[39] Вместе с тем приговор все же вынесен».

— Приговор вынесен, — повторил Йоханан, глядя прямо в глаза Йешуа. — Секира при корне древа лежит.

* * *

Через несколько дней обеспокоенный Йешуа вышел в Йерушалаим. Ему необходимо было выслушать мнение мудрецов, поделиться своей тревогой с рабби Цадоком.

Еще по дороге на постоялом дворе в Йерихо Йешуа достигло известие о совершенном накануне невиданном преступлении.

В Храме пришло время очищать жертвенник от пепла. Два священника вызвались выполнить эту заповедь и бегом устремились к медному жертвеннику. И тогда это произошло: священник, подоспевший вторым, от досады ударил жертвенным ножом того, который его опередил.

Все в растерянности замерли, а участвовавший в том богослужении рабби Цадок поспешил к упавшему. Увидев, что тот бездвижно лежит с воткнутым в спину клинком, он горько воскликнул:

— Наши раздоры уже приблизились к самым рогам жертвенника! Мы любим заповеди, но ненавидим друг друга!

Ужас и горечь, охватившие рабби Цадока, передались всем присутствующим. Даже народ, стоявший во дворе, ужаснулся и зарыдал.

И тут вдруг вопреки этим чувствам раскаяния, ведомый той же слепой силой, которая только что привела к кровопролитию, отец убитого священника приблизился к телу сына и вместо того, чтобы зарыдать над ним... с облегчением воскликнул:

— Братья мои, нам незачем тревожиться, мы не нуждаемся в искупительной жертве! Ведь мой сын еще в агонии, а значит, нож в ране остался неоскверненным! —

Он стремительно извлек жертвенное орудие из тела сына, после чего тот вздрогнул и испустил дух^[40].

Поднявшись в Иерушалаим, Йешуа первым делом стал разыскивать рабби Цадока. Он нашел его в палате Тесаных камней, просматривающим судебный протокол.

— Ты слышал уже о том, что здесь произошло? — спросил его священник.

— Да.

— За заповедями мы перестаем замечать друг друга... То, что произошло — грозный признак нашего неблагополучия. Внутренние раздоры привели к нам римлян, и они же стоят непреодолимым препятствием на пути нашего избавления от чужеземного гнета... Признаюсь тебе, Йешуа, что меня одолевают тяжелые предчувствия. Через пророков известно, что Храм был разрушен за три греха, которым предавались наши отцы: идолослужение, кровопролитие и прелюбодеяние. Мы как будто бы раскаялись, бывшие грехи стали редкостью: произошедшее в Храме убийство — лишь напоминание о былых бесчинствах. Но оно обнаружило царящий ныне дух соперничества, обнаружило скрытую ненависть, которая, как мне порой кажется, даже страшнее трех явных грехов.

— Я слышал от Йоханана бен Захарии, что Дом Божий будет разрушен, а народ изгнан.

— Вот и я того же опасюсь... — вздохнул рабби Цадок, и задумчиво добавил: — Но пост и молитва могут отменить приговор... Праведник может отменить приговор.

* * *

Йешуа задержался в Йерушаиме. Где еще молить Бога об отмене приговора, если не на Святой Горе?

«Когда народ Твой, Израиль, — повторял Йешуа молитву царя Шломо, — будет поражен неприятелем за то, что согрешил пред Тобою, и когда они обратятся к Тебе и прославят имя Твое, и будут просить и умолять Тебя в этом доме; Тогда услышь Ты с небес, и прости грех народа Твоего, Израиля, и возврати их Ты в землю, которую дал Ты отцам их»^[41].

День ото дня Йешуа все более проникался надеждой. Союз Израиля с Богом — несокрушимый союз. Шехина и Израиль — равновесные союзники. Прав пророк Элияу: если Бог владеет человеком, то праведник владеет Богом! Прав рабби Цадок! Бог выносит приговор, а Праведник отменяет его!^[42]

Миновала Ханука. В Йерушалаим пришло известие, что Йоханан бен Захария почти дошел до Мертвого моря и проповедует покаяние неподалеку от Йерихо.

Йешуа неудержимо потянуло к своему товарищу, верой которого он день ото дня все более стал заражаться.

Кто знает, может, Йоханан прав, может быть преждевременное появление Избавителя как раз и может отменить страшный приговор? «В назначенное время ускори...» — сказал Господь. Не приблизилось ли как раз это назначенное время? Время, в которое Израиль «унаследует

ет страну», время, когда «меньший станет тысячей, и младший — народом сильным»?

Чего мы теряем? В худшем случае мятежный Машиах погибнет, как погиб Йеуда Галилеянин, как сказано: «Дорога в глазах Господа смерть благочестивых Его»^[43].

Ну, а вдруг осилит? Вдруг получит поддержку свыше? Как сказано: «Пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят десять тысяч»^[44].

Попытка стоит того... В конце концов, ведь и он, Йешуа — потомок Давида. Его рождение, правда, сопровождалось скандалом. Но в роду Машиаха такое случалось.

Скандал был вызван тем, что отец Йешуа — рабби Йосеф бен Йаков — вошел к своей невесте Мирьям до свадьбы.

Говорили, что таково было его галахическое решение. Согласно Торе, само обладание женщиной, при соответствующих публично выраженных намерениях, признается заключением брака. Мудрецы же водрузили на этом месте ограду: если всякое соитие со свободной женщиной признать бракосочетанием с ней, то пойдя потом разберись в намерениях, причем, в намерениях обеих сторон.

И потому постановили мудрецы, что только специальная церемония, только «кидушин» вводит пару в брачные отношения, а любое обладание женщиной до этой церемонии распутно и неприемлемо.

Йосеф же утверждал, что при обручении намерение выражено достаточно ясно, чтобы брак вступал в силу после установления интимной связи. В соответствии со своей теорией, Йосеф вошел к своей невесте после обручения, именно таким способом посвятив ее себе.

Между тем, в ту самую пору римский солдат по имени Пандира стал прилюдно домогаться Мирьям. Он назойливо вертелся вокруг девушки, когда та появлялась на рынке и даже несколько раз хватал ее за руку.

Неожиданное появление у невесты признаков беременности немедленно вызвало пересуды. И хотя после рождения Йешуа Йосеф привел Мирьям под свадебный балдахин, свидетельствуя тем самым, что он убежден в ее невинности, подозрения в противоположном продолжали высказываться.^[45]

Впоследствии эта история привела к большому разладу в семье. Мать без конца твердила, что Йосеф — неуч, и что именно из-за его нелепых теорий пострадало ее доброе имя.

Йешуа находил ее отношение к отцу безжалостным и считал, что именно оно послужило причиной его преждевременной смерти. Но остальные братья и сестры, меньше помнившие отца, держали сторону матери и даже перенесли свое недоверие к Йосефу на его любимца — первенца Йешуа.

Йешуа, разумеется, также смущался темного пятна своей биографии. Однако теперь он вдруг осознал, что его сомнительное преждевременное зачатие согласуется с другими скандальными историями, случавшимися в его роду.

Так Тамар, поочередно похоронив двух своих мужей — сыновей Йеуды, и не добившись от него третьего жениха, переделалась блудницей и соблазнила самого свекра.

В результате этого порочного соития на свет появились близнецы — Перец и Зерах. Нечто подобное повторилось с потомком Переца — Боазом, женившимся на моавитянке Рут. Ведь брак с моавитянами запрещен Торой, также строго, как и брак с незаконнорожденными^[46].

Между тем, запрет этот касается только мужчин. Мудрец Боаз знал об этой тонкости, которая после его брака открылась и всему Израилю. Таким образом в этом случае налицо была видимость незаконности.

Позже потомок Боаза — Давид, вошел к Бат-Шеве — жене Урии. Согласно Торе, с момента измены жена становится запрещена как мужу, так и любовнику. Иными словами, даже смерть Урии уже не могла бы спасти положения. От Бат-Шевы род Машиаха продолжаться не мог. Как же он продолжился? Каким образом именно сын Давид Шломо наследовал отцовский трон?

Это стало возможно благодаря тому, что в момент близости Давида с Батшевой, последняя находилась в условном разводе с Урией. В ту пору все отправляющиеся на войну оставляли женам разводные письма, на тот случай, если они пропадут без вести.

Впрочем, тень незаконнорожденности лежит на всем еврейском народе! Десятилетиями Сара — жена Авраама оставалась бесплодна, но зачала вскоре после того, как оказалась в доме Авимелеха, высоко оценившего ее красоту и полагавшего, что она свободна.

Не только народы мира, даже сам Авраам испытал сомнения в том, что он истинный отец ребенка! Что же сделал Бог? Он придал плоду точный образ его отца, и собравшиеся на пир смогли засвидетельствовать, что новорожденный — сын Авраама^[47].

Так извлекаются искры: свет проступает из тьмы, истина вырывается из-под пелен лжи; святость утверждается в скольжении над пороком.

То, что его — Йешуа рождение сопровождалось слухами о неверности его матери, быть может лишь дополнительно подтверждает его избранность!

Через несколько дней Йешуа спустился к Иордану и у того места, где некогда сыны Израиля перешли его посуху, без труда разыскал Йоханана.

— Я много молился после нашей последней встречи, — заговорил Йешуа после того, как друзья обменялись приветствиями. — Ты прав. Нет у нас иного упования, кроме как на упреждающее Избавление. Готов народ к тому или не готов, эта попытка ничего не меняет, ее следует предпринять. Омой меня, в знак покаяния, как омываешь других.

— Я рад твоему решению. Ведь ты сын Давида, и признаюсь, что я очень на тебя рассчитывал. Скажу больше... скажу то, что прежде, — прежде твоего решения — не торопился тебе сказать. Ты не знаешь своих дарований, а ведь они исключительные. Поверь мне: это не я тебя, а ты меня должен погружать в знак очищения!

— Не говори так. Тебе первому открылось, что «назначенное время», время возможного досрочного избавления, приближается. Ты призван посвятить меня на служение.

— Да будет так... — согласился Йоханан. Он поднял руку, возложил ее на голову Йешуа, и собравшись в молитвенном порыве, подтолкнул его в заводь.

Йешуа ушел под воду, а когда вынырнул, вдруг прямо перед своим лицом почувствовал взмах крыльев, обрызгавший ему лицо. Подняв глаза, Йешуа увидел белого голубя, и тут же услышал доносящийся с небес божественный глас, напоминающий отдаленные раскаты грома:

— Вот Мой возлюбленный сын, который исполнит волю Мою.

Йешуа охватила дрожь, он вышел из воды и присел на камень, пытаясь вместить произошедшее.

Через час после того, как стало вечереть и оставшийся у Иордана народ начал рассаживаться вокруг огня, готовясь ко сну, Йоханан подозвал Йешуа к своему костру.

— Важную весть я скажу тебе, брат мой, — прошептал Йоханан. — Когда ты погружался, я видел Духа Божия, Который сходил на тебя в виде голубя. Так же услышал я и глас с небес: «Вот Сын Мой возлюбленный».

— Я также видел голубя, и слышал глас с небес, — взволнованно подтвердил Йешуа.

— Что ты думаешь делать?

— Я бы хотел удалиться в пустыню, чтобы в уединении понять, в чем состоит моя задача...

5

На другой день рано утром Йешуа покинул побережье Иордана и направился к горной гряде, возвышавшейся над Йерихо.

Он углубился в одно из ущелий, и в поисках подходящего места поднялся почти до вершины одной из скал. Здесь он облюбывал себе пещеру, с которой виднелись долина Иордана, Мертвое море и вздымающиеся над ним горы Моава.

Чтение по памяти священных книг чередовалось с молитвой, а молитва с размышлениями.

— Раскаяние необходимо, пост и молитва также, но одних их недостаточно. Царствие небесное силою берется. Вызвать избавление, совершить прыжок — это

единственное средство избежать катастрофы. Мы ничего не теряем, кроме своих жизней; жизней, которые и без того обречены!

Просящий получает, ищущий находит, наступающий побеждает. Всякий царь с десятью тысячами, видящий, что не в силах противостать другому царю, идущему на него с двадцатью тысячами, посылает посольство просить о мире. Однако, если он понимает, что миру не бывать, ему ничего не остается как первому атаковать противника! Нападающий имеет преимущество. Хорошо защищается от врага тот, кто выходит ему навстречу и сам атакует его, атакует даже малыми силами! И Бог дает ему победу. «Луки героев ломаются, а слабые препоясываются силою. Стопы благочестивых Своих охраняет Он, а нечестивые во тьме погибнут, ибо не силою крепок человек»^[48]. Двумя мечами Йонатан, сын Шауля, и его оруженосец разгромили армию филистимлян^[49]. Верно, я не имею боевых навыков, но при погружении в Иордан я получил связь с Отцом, который единственный в последнем счете дает победу.

Бой должен быть дан на Масличной горе, по слову пророка: «Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани. И станут ноги Его в тот день на горе Масличной, которая пред лицом Иерусалаима к востоку; и раздвоится гора Масличная от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, и половина ее — к югу. И вы побежите в долину гор Моих; ибо долина гор будет простираться до Асила... и придет Господь Бог мой и все святые с Ним. ... И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя его — едино... И вот какое будет поражение, которым поразит Господь все народы, которые воевали против Иерусалаима...»^[50].

— Все возможно верующему, — продолжал размышлять Йешуа. — Вера двигает горы. Она вырывается снизу и про-

бывается к вершинам, как сказано: «Когда истина произрастает из земли, справедливость является с небес»^[51].

Однако и все усилия снизу тщетны, если сверху нет благословения, если не пришло «назначенное время». Чтобы убедиться в том, что оно действительно пришло, нужно получить знак свыше! Иоханан получил его, но я-то — нет!

6

Дни шли за днями. Легко было сбиться со счета, если бы не поднимающаяся каждый вечер над долиной луна. Она вела счет дням. Когда Иешуа поднялся в горы, месяц всего несколько дней как родился. С той поры он сошел на нет, снова родился и уже приближался к своей полноте.

Шел 39-ый день его уединения, когда Иешуа заметил далеко в долине колонну римлян, идущую из Йерихо. Она проследовала на Восток, в сторону Иордана.

Тревога охватила Иешуа. Не за Иохананом ли направился этот отряд? Он присел у входа в пещеру и не заметил, как задремал.

Когда Иешуа проснулся, солнце уже зашло, и над долиной взошла яркая почти полная луна. Неожиданно Иешуа испытал острое чувство голода.

В тот же миг внезапно заколебался воздух и перед ним предстал Ангел.

Вид его был устрашающий, а все открытое обозрению тело было покрыто глазами.

Иешуа вздрогнул. Несомненно, то был Ангел Смерти. Значит, его час пробил, значит, Отец небесный внезапно отзывает его к Себе!

— Нет, Йешуа, это не то, что ты подумал! — усмехнувшись всеми своими глазами, молвил Ангел. — Иногда я прихожу и по другому поводу.

— Ах вот оно что! Признаюсь, я ожидал иного вестника, я ожидал пророка Элияу.

— Ты как будто разочарован?

— Скорее удивлен.

— Не удивляйся. Я несу не только смерть, но и жизнь; я не только разрушаю миры, но и создаю их.

— Мне казалось, что управление миром поручено не тебе, а верховному Ангелу, Ангелу, в котором запечатлено имя Всевышнего, Ангелу Божественного лика — Метатрону. Он Князь мира.^[52]

— Верно. Но мы с ним — одно лицо. Видеть в нас двух разных Ангелов принято, но недальновидно. Заостряясь на том, что во мне запечатлено 72-х буквенное Имя Всевышнего, многие упускают из вида, что еще прежде того в меня впечатаны два коротких и ясных Имени: Бог и Господь. Первое из этих имен отражает суд, а второе — милость. Слова «Господь Бог наш, Господь один»^[53] справедливы также и в отношении меня. Выучи: Как «Господь — Он Бог», так и Князь мира, Метатрон — он Ангел смерти! Это Посох Моше, обращающийся в Змея; это Добро и Зло, восходящие к одному древу познания^[54].

— Я никогда не слышал об этом.

— Не удивительно, я очень немногим так представляюсь.

— Но ты почему-то предпочел явиться мне в образе Смерти, а не Жизни.

— Ты задумал рискованное дело, Йешуа, и тебя следует немного остудить. Явись я тебе в своем светозарном облиции, что бы ты от меня ни услышал, ты бы заключил, что план твой полностью одобрен. Я же пришел не поддерживать, а предостеречь тебя, и должен выглядеть соответствующе.

— Предостеречь? От чего? Я и так вполне сознаю меру опасности. Вера лавирует среди опасностей, как рыба в речных стремнинах. Благословил ли меня Отец? — только это имеет значение.

— Уверяю тебя, что не только. Мир находится на перепутье. Иногда мне кажется, что Он Сам затрудняется решить, какой дорогой направить историю.

— Это означает лишь то, что Он ждет человеческого порыва, ждет знамения снизу, как сказано: «когда истина произрастает из земли, справедливость является с небес»^[55].

— Вот, вот. Ты здесь в своем уединении пришел к выводу, что все возможно верующему, и вознамерился расколоть Масличную гору. Но не правильнее ли заранее убедиться в своих силах? Разумно ли браться за большое дело, не преуспев в малом? Испытай свои силы на здешних скалах. —

Йешуа был поражен. То были его собственные мысли! Проснувшись несколько дней назад, он ощутил в себе прилив каких-то неведомых ему прежде сил. С той поры Йешуа размышлял, угодно ли будет Создателю, если он без прямой необходимости проверит их.

— Или, например, преврати эти камни в хлеба, — добавил Ангел. — Ведь ты, как я вижу, проголодался.

Это неожиданное предложение также напрашивалось само собой. Йешуа не давал обета воздержания от пищи, он мог начать есть, когда пожелает. Что мешало ему испытать свои вновь обнаруженные силы? Его мучал голод — чем это не оправданный повод проверить свои чудодейственные возможности?

Может быть, после молитвенной беседы с Отцом он так бы и поступил, но предложение Ангела смутило его.

Перед Йешуа стоял самый сильный, самый приближенный к Престолу Славы Ангел. В нем было запечатлено само имя Всевышнего, и в свое время он был при-

зван участвовать в избавлении сынов Израиля из Египта^[56].

Однако, когда Моше осознал, что не сам Бог, а этот Ангел поведет сынов Израиля в их землю, то он воспротивился: «Если не поведешь Сам, то не выводи нас отсюда»^[57].

История повторяется.

Йешуа насторожился, Ангел развивал его собственные мысли, но как будто бы скрывал волю Создателя, если вообще что-то знал о ней.

— Зачем ты явился мне? Ты послан Им?

— Это имеет какое-то значение? Я явился тебя предостеречь, и явился с Его ведома.

— Это немудрено, ведь Он всеведущ.

Итак, Князь мира не был посланником, а значит, являлся искусителем. Не предостеречь его явился этот Ангел, а сбить с пути!

Нет, он — Йешуа не желает слушать хотя бы даже и самые правильные поучения из уст этого духа, он не нуждается в его подсказке.

— Написано, — ответил Йешуа, — Не хлебом одним живет человек, но словом, исходящим из уст Божиих.

— Но разве сам ты из уст Божиих получил повеление приблизить избавление, хотя по всем признакам ожидать приходится противоположного?

— А разве Нахшону Аминадаву Бог что-то приказывал? Нахшон сам вступил в воды Ям-Суф, но когда он погрузился по горло, море расступилось. Да, «когда истина произрастает из земли, справедливость является с небес». Мы, люди, вверяем наш талант торгующим, мы преумножаем вверенное нам, мы свободны, мы обновляем миры, вы же, ангелы, лишь исполняете то, что Он поручил вам, ничего не преумножая. Вместо того, чтобы давать мне советы, скажи лучше, что Он поручил мне, если знаешь.

— Ты сам себе противоречишь, допуская, что я могу действовать без Его указаний, — съязвил Ангел. — Я принимаю решения, и люблю этим заниматься. Верно, что в отличие от людей я не томлюсь вопросами: кто я на самом деле такой, да и есть ли я вообще? Это за меня, по счастью, решил мой Создатель. Более того, я состою в Его Совете и не рекомендовал Ему вас создавать, хотя должен признать, что иногда с вами бывает интересно работать...

Йешуа отвернулся, его мутило, он захотел прилечь. Но Ангел Смерти не оставлял его в покое. Вихрем он вдруг налетел на Йешуа, вознес его в Йерушалаим и поставил на крыле Храма.

— Вот тебе возможность доказать правоту своих слов, доказать, что ты свободен, что ты Сын Божий, а мы — лишь ангелы служения. Если ты прав, если ты Сын Божий, то бросься вниз с высоты Храма, ибо написано: Ангелам Своим Он заповедает о тебе... На руках они понесут тебя.

— Я не нуждаюсь в доказательствах человеческого превосходства над ангелами, — сказал Йешуа.

— Как ты понимаешь, я бы мог предложить тебе это испытание еще там, на краю горной пропасти, но перенес сюда. Взгляни, в действительности, я это тебе хотел показать.

В этот миг, как вспышка молнии, перед Йешуа промелькнула картина охваченного пламенем Святилища и заваленного трупами двора.

— Это первые эскизы той картины, которую мне заказал Творец. В свой срок она будет мною выполнена. Тебе не отменить приговор.

— Это мы еще посмотрим... — пробормотал уstraшенный видением Йешуа, и уже в следующий миг оказался вновь сидящим у входа в пещеру, а напротив него сидел тот же Ангел.

— Напрасно, Йешуа, ты пытаешься принизить наш ангельский род, — продолжал он, как ни в чем не бывало. —

Не столь уж мы ничтожны. Напомню тебе, что я не только властен однажды забрать твою душу. Я делаю с тобой нечто подобное каждый день, когда навожу на тебя сон. Разве ты можешь этому сопротивляться? Ты не управляешь ни своими снами, ни собой во сне. Вся твоя воля подавлена моей. Где ты находишься, когда спишь? Но и в бодрствовании ты недалеко ушел. Бывает, что праведник, устаивающийся предстать перед Создателем, подчиняет свою волю моей.

Йешуа невольно вспомнил один свой давний разговор с Йохананом.

— В «Яхад» учат, — поведал ему Йоханан, — что Ханох, когда был восхищен в теле живым на небо, то превратился в Князя мира, слился с ним^[58].

— Еще одно утверждение твоих друзей, которое невозможно и даже нечестиво, — возразил Йешуа. — Про пророка Элияу, надеюсь, ты такого не скажешь, а ведь и он был восхищен живым на небо. Сыны Человеческие свободны, Ангелы Божии — нет. Человек так же не может стать ангелом, как и собакой.

— Я бы тоже сказал так, — возразил Йоханан, — если бы не видел этих людей.

— Каких людей?

— Последователей Ханоха. Два человека из общины «Яхад» устаиваются приближения к небесной Колеснице. В этот момент они выглядят совершенно отрешенными. Лица их просветляются и становятся величественны, как лица усопших. Кажется, что они с Ангелом Смерти одно целое. А потом они рассказывают, что превращались в Метатрона подобно Ханоху^[59].

Вспомнив это разговор, Йешуа с удивлением спросил Ангела:

— Ты считаешь, что можешь подчинить себе человеческую волю? Ты упраздняешь свободу? Но это же невозможно.

— Верно, лишить человека свободы мне не дано, но духовидцы, которые достигают видения Колесницы, сами отдаются мне ради этой великой цели, они делают это добровольно.

— Вот как? — ответ Ангела успокоил Йешуа.

— Да. Но кое-что я могу сделать, не спрашивая на то твоего разрешения...

В этот миг все вокруг дрогнуло и поплыло словно река. Видневшаяся напротив гора Эсава, гора Сеир, а следом за ней и весь мир, как бы завертевшись в какой-то гигантской воронке, втек в тело Йешуа, и он ощутил себя связанным со всем мирозданием, ощутил себя частью всего, и все частью себя. Он ощутил себя единым со всеми живыми существами, со всеми городами, горами, морями и даже звездами и созвездиями. И в тот же миг Йешуа увидел все царства мира.

— Всё это принадлежит мне, — прозвучал как бы стороны голос Ангела. — Ты чувствуешь мою силу? Чувствуешь единство со мной? Чувствуешь, как я делюсь с тобой своей властью? Но ты прав, пока еще в твоей воле принять или отвергнуть ее.

— И я, как ты, наверно и сам догадался, отвергаю ее. Я не хочу обидеть тебя. Та власть, которой ты обладаешь, дана тебе Богом. Но когда я буду нуждаться в чем-либо, я попрошу этого у Него, а не у тебя. И конечно же я приму все, что будет угодно ниспослать мне Отцу моему небесному, будь то слава или поругание.

— Поругание вернее.

— Почему?

— Мне неловко отвечать на этот вопрос. Ведь ты сам исследовал его еще в детстве... Тогда ты был смысленнее и согласился с тем, что Хизкиягу не мог стать Машиахом!

— И все же есть время, время назначенное Им самим, в которое избавление можно приблизить!

— Недостаточно определить это время. Досрочного избавления следует также и удостоиться. А это зависит уже от состояния всего Израиля, которое оставляет желать лучшего... Действуй наверняка. Если ты, как и раньше, будешь следовать в этом вопросе учению мудрецов, то останешься в памяти сынов Израиля одним из них. Имя рабби Йешуа бар Йосефа будет на устах у всех. Тебе уготована великая доля, не разменивай ее.

— Останется обо мне память, или нет, меня не заботит, но я не готов отказаться от попытки ускорить избавление, коль скоро убеждаюсь, что оно действительно возможно, что «назначенное время» приближается. Избавления я действительно могу не принести, могу не взять Царствия Небесного силой, могу погибнуть. Но разве это повод для того, чтобы не пытаться? Шадрах, Мешах и Авэйд Нэго сказали царю Навухаднэцеру: «Бог наш, которому мы служим, Он сумеет спасти нас из раскаленной горячей печи и от рук твоих, царь, Он нас спасет. Но если и не так, то идолу золотому, которого ты поставил, мы поклоняться не будем»^[60]. Так и я, даже если мне суждено погибнуть, совету твоему я не последую.

— Ну, а что если тебе угрожает не просто смерть?

— Что же еще мне может угрожать?

— Гибель твоего доброго имени, например. Поверь, если не будет воли Отца твоего на то, чтобы гора раскололась, то вся сила твоя уйдет в народы, и правда твоих слов будет заключена в сосуды лжи, так что до конца времен твоим именем будут преследовать Израиль.

— Как это возможно?

— Как Йаков представляет Бога на земле, так Я представляю на небе его брата Эсава. Однажды мы схлестнулись: Йаков одолел и получил от меня имя Израиль. Если в «назначенное время» эта схватка, по твоему капризу, повторится, то в случае моей победы, имя это перейдет Эсаву, как его трофей. У римлян ты приоб-

ретишь славу, но в своем народе посрамление... Ты готов к этому?

— Я не верю твоим угрозам. Верно, я могу не справиться, могу не сдвинуть гору... Но лжеучения на этом не построишь, как его нельзя было бы построить на гибели Шадраха, Мешаха и Авэйда Нэго.

— Ты так сказал.

— Тому, кто прям и честен перед Богом, нечего бояться твоих угроз.

— Ты даже не представляешь, как мне нравится твоя уверенность.

— Должно быть так же, как мне твое чистосердечие...

— Ты его явно недооцениваешь. Это тебе очень мешает, и очень помогает мне. Ведь если ты серьезно за это дело возьмешься, то откроешь передо мной удивительные возможности. Я приготовлю из твоей истории что-то потрясающее.

— Чтобы ты не приготовил, правда откроется.

— Ну, это когда еще будет! А пока я развлекаюсь. Значит, договорились? — подмигнул Ангел правой стороной покрывающих его тело глаз.

— Я ни о чем с тобой не договариваюсь.

— Это уже не имеет значения. Достаточно моего предостережения. Если в назначенный час ты взойдешь на Масличную гору, и она не расколется, то пеняй на себя. До самого не «ускоренного», а по истине «назначенного времени», ты останешься в паре со мной.

— Без моего согласия на то? В это я уже совсем не верю. Ты сам согласился с тем, что это невозможно.

Как только Йешуа произнес эти слова, Ангел исчез.

На следующее утро Иешуа спустился в долину. Колонна легионеров, которую он видел третьего дня вблизи Иордана, могла явиться туда с определенной целью — пресечь проповедь Йоханана, которая вызывала опасения у тетрарха Гордуса Антипы.

И действительно, подойдя к Иордану, Иешуа никого там не застал. Возможно, Йоханан перебрался вверх по течению реки, — подумал Иешуа, и выйдя на дорогу, направился на север.

Но уже через полчаса он повстречал группу людей, которые поведали ему, что накануне Йоханан был арестован и отправлен в крепость Махер, располагавшуюся на склоне Моавийских гор.

Иешуа немедленно повернул в сторону крепости, и через четыре часа был у цели. Здесь он сразу убедился, что повидаться со своим другом ему не удастся. Несколько учеников Йоханана, обосновавшиеся в пещере неподалеку от крепости, рассказали ему, что им категорически отказали во встрече. Переночевав с ними в их пещере, на следующее утро Иешуа отправился в Галилею.

По дороге в Нацрат Иешуа заходил в попадавшиеся на пути селения, уча в молитвенных домах о приближении Царствия небесного и призывая к покаянию.

— Отрекитесь от духа соперничества, изгоните беспричинную ненависть из сердец ваших, любите ненавидящих вас, и служители идолов сами уйдут из Святой земли!

Вокруг него немедленно собирались люди. После своего погружения в Иордан и сорокадневного пребывания в пустыне Иешуа заговорил, как власть имеющий, сам

удивляясь своему новому тону, захватывающему людей и вселяющему в них веру.

В родном Нацрате его, правда, приняли недружелюбно, однако в прибрежном городке Кфар-Нахуме Йешуа возбудил всеобщий интерес.

Один купец предложил Йешуа для жилья дом, которым он пользовался по своим торговым делам, но который в ту пору пустовал.

В местную синагогу на проповеди Йешуа стали стекаться люди из соседних селений, и вскоре у него открылся дар целителя. Люди чудесным образом выздоравливали от самых тяжких болезней.

За две — три недели вокруг Йешуа сложилась группа приверженцев, а его слава чудотворца и целителя с быстротой молнии распространилась по всей стране.

Наступил Песах, пришло время взойти в Иерусалим. Проходя в субботу колосющимися полями возле села Мухмас, ученики Йешуа стали собирать колосья и есть их. Некоторые возвращающиеся с утренней молитвы жители села заметили это и спросили Йешуа, как это его ученики нарушают субботный покой.

Это был спорный вопрос, так как галилейский обычай позволял собирать колосья и есть их даже в субботу. Ученики делали то, что было разрешено в их краю^[61].

Между тем Йешуа не прибег к этому объяснению, а решил сослаться на поступок царя Давида. Он сказал:

— Разве вы не читали, как поступил Давид, когда он сам и бывшие с ним люди проголодались? Помните, как он вошел в дом Божий, взял хлебы предложения, которых нельзя было есть никому, кроме одних священников, и ел, и дал бывшим с ним? Так же и человек — господин субботы.

Один из жителей пригласил их всех на субботнюю трапезу, и они вошли в село. По дороге ученики спросили Йешуа:

— Скажи, Равви, почему ты не объяснил им, что в нашем краю утвердился обычай подбирать колосья в субботу, и есть их, и что наши мудрецы разрешают это?

— Ответьте прежде вы мне, когда Давид взял хлеба предложения и накормил бывших с ним, на что он опирался?

— Не знаю, — ответил Шимон-Кейпа. — Да и никто не знает. Одни учителя говорят, что сопровождавшие его были не просто голодны, но что им угрожала смерть, и поэтому у них было право так поступить. Другие же считают, что хлеба эти были субботние и запрещены были только в субботу.

— Вот видите, — сказал Йешу. — Все согласны с тем, что у Давида было право взять эти хлеба и никому не объяснять, почему он это делает. Так вот, как Давид без достаточных объяснений накормил бывших с ним — и объяснения его никто до сих пор достоверно не знает, — так и я, сын Давида, позволяю есть бывшим со мною и ничего не объяснять посторонним. Вы же — ближайшие мои друзья и ученики — знаете, что в краю нашем закон позволяет поступать так.

После трапезы все пошли в синагогу. Там несколько человек изучали слово Божие, и они присоединились к ним. Между тем пришло время дневной молитвы, и здание стало постепенно наполняться людьми. Вошли так же и те пружим, которые час назад порицали учеников за сбор колосьев. Они подошли к Йешуа, и один из них сказал:

— Рабби, мы слышали, как ты назвал себя господином субботы. Что это значит? Разве ты считаешь себя вправе нарушать субботние запреты?

— Ни одну черту из закона нельзя нарушить, — ответил Йешуа. — Однако все, что может быть исполнено, должно быть исполнено, если это ко благу.

— Мы не понимаем. Поясни.

— Если овца ваша упадет в яму в субботу, разве вы ее не вытащите?

— Разумеется, вытащим, но ведь в этом нет нарушения?

— Верно. Но вы могли бы оправдать свою лень, сославшись на субботний покой и оставить животное мучиться целый день. Видите того человека с иссохшей рукой?

— Видим. И даже хорошо его знаем. Он уже много лет в таком состоянии.

— Лечить в субботу нельзя. Верно?

— Верно. Если нет угрозы для жизни больного, то лечить его нельзя. Лечение, допускающее отлагательство, запрещено в субботу.

— Как вы думаете, допускается ли отлагательство в лечении этого человека?

— Вне всякого сомнения, допускается. Он прожил с такой рукой много лет и вполне может потерпеть до завтрашнего дня.

— Лечение терпит отлагательства, но исцеление не терпит. Потому что исцеление не от людей, но от Бога. Ведь если Бог того пожелает, то Он исцелит его даже и в день субботний. Но если этого человека можно обрадовать в субботу, то зачем откладывать это до первого дня недели?

Число учеников стало расти, и тогда Йешуа решил выбрать наилучших, которым он попытается передать свой дар чудотворца, а также посвятит в свои сокровенные планы. Они станут полководцами тех ангельских легионов, которые Отец пошлет ему в назначенный час.

Проведя ночь в молитве, Йешуа наутро собрал своих учеников. Среди них имелись люди воинственные, участвовавшие в бунтах и учившиеся владеть оружием. Но в основном это были мирные рыбаки и крестьяне. Йе-

шу считал, что важнее выявить в них дар молитвенников и целителей, чем бойцов.

Он верил, что в основе всего лежит покаяние — всецелое обращение к Небесному Отцу, всецелое предание себя Ему в руки. Покаяние между тем влечет исцеление, так как всякая болезнь является результатом греха, а в более отдаленном будущем покаяние влечет также и избавление — разгром римлян, утверждение Царствия Небесного, которое является ничем иным, как исцелением святого народа.

— Помните, как сказал Господь Гидону, — обратился Йешуа к своим ученикам, — «Слишком много народу с тобою, чтобы Я предал мидьянитян в руки их, дабы не возгордился предо Мною Израиль, сказав: «Моя рука спасла меня»? И отобрал Господь триста человек, и они — триста! — прогнали врага, «многочисленного, как саранча»^[62].

— Чтобы изгнать римлян, не численностью должно быть сильно наше воинство, а верой. Придет день, — и уже не далек он — когда Отец наш небесный освободит Свою землю от власти идолослужителей. Если пожелает Он, то сделает это рукой семидесяти, если пожелает, то сделает это рукой двенадцати, или даже рукой двоих, как в битве при Мухмасае. Сегодня в знак этого я даю вам власть над нечистыми духами, и власть исцелять недуги. Итак, в деревни язычников и селения самаритян не входите. Идите прежде всего к погибшим овцам дома Израилева. Им проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное. Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте.

В конце месяца Элуль, когда в приближении Нового года повсюду читались покаянные молитвы «слихот», пришло известие о том, что Гордус обезглавил Йоханана бен Захарию.

На другой день поутру Йешуа отплыл вместе с учениками в пустынное место подле городка Бейт-Цаид.

— Я вернусь после полудня, — сказал Йешуа ученикам, и поднявшись на близлежащий холм, стал молиться и размышлять о случившемся.

Того, кто вдохновил Йешуа на его служение не стало. Не так давно Йаханан присылал своих учеников, хотел выяснить, насколько Йешуа преуспевает в своем служении.

— Расскажите вашему учителю о том, что вы здесь видели, и передайте, что я тверд в своем решении. — ответил Йешуа. — Блажен, кто не соблазнится обо мне!

В тот миг он верил, что принесет победу, предвкушал, как освободит своего товарища, но вот Йоханан обезглавлен. Что ждет самого Йешуа? Действительно ли он так тверд, действительно ли на верном пути?

Йешуа продолжал сосредоточенно молиться, как вдруг почувствовал, что воздух вокруг заколебался, и уже в следующий миг перед ним предстал Ангел Смерти.

— Увы, именно так, равви Йешуа. — произнес Ангел. — Тебя ждет та же участь, что и твоего друга.

— Ты опять за свое? — пожал плечами Йешуа. — Я ведь тебе сказал, что мученическая смерть меня не пугает.

— Тем не менее, сейчас ты заколебался, и я просто не мог пройти мимо.

— Просто не мог? Откуда эта забота обо мне? — усмехнулся Йешуа. — Что тебе до того, если в следующий раз ты явишься ко мне не дружески побеседовать, а забрать душу?

— Все зависит от того, когда за ней придется приходить: через десятилетия — точное число которых, как ты понимаешь, я назвать не вправе, или через пол года, которые ты сам себе назначил.

— Мне — допустим это не все равно, но тебе то какая разница?

— Разница огромная. В одном случае ты отойдешь в грядущий мир со своим учением, в другом — с учением расцвеченном моим поправками.

— Но если твой интерес в том, чтобы я ушел из жизни через полгода, то зачем ты меня от этого отговариваешь?

— Если именно я стану тебя к этой затее подталкивать, получится очередной мыльный пузырь, о котором люди позабудут на другой день. Ты сам должен на это решиться. Только в этом случае в мои руки попадет по-настоящему бесценный материал. Как видишь, я должен быть с тобой полностью откровенным.

— Полностью откровенным? Тогда ответь, может ли по моей вере расколоться гора?

Бесчисленные глаза Ангела все как один впились в Йешуа.

— Может расколоться! От того-то так велика ставка. Ставка велика, но шанс не велик.

— То есть ты явился мне только затем, чтобы объявить, что и ты в деле?

— Разумеется. Ты должен знать, на что идешь. Если гора останется на своем месте, если победит Рим, то все твои силы отойдут ему. Решай сам.

Йешуа невольно вспомнились его недавние слова, сказанные ученикам Йоханана: «Блажен, кто не соблазнится обо мне!» Итак, обет был дан. Обет, который уже немислимо было отменить, даже если бы и захотелось!

В этот момент внезапно налетел сильный порыв ветра, и Ангел Смерти скрылся.

— Отец! — воззвал Йешуа. — Я принадлежу только Тебе, и если я погибну во Имя Твое, то как Его этим оскверню? Отец! Я верю только Тебе, и на слова Ангела, которого Ты мне не посылал, не полагаюсь!

9

Между тем люди, увидевшие лодку Учителя, пошли берегом к тому месту. Заметив их, Йешуа спустился с горы и вышел навстречу к народу, восторженно его приветствовавшему. За рассказом притч и исцелением больных время прошло незаметно, и в какой-то момент к Йешуа подошли ученики, и Шимон-Кейпа сказал ему:

— Рабби, через час — другой стемнеет, не пора ли отпустить людей, они ведь целый день ничего не ели?

В первое свое явление Ангел смерти призывал Йешуа превратить камни в хлеба, чтобы насытиться самому. Он отверг это искушение. Но сегодня Ангел смолчал, и Йешуа счел себя вправе чудесным образом накормить других.

Увидев веру тысяч людей, которые, не заботясь о пропитании, не заботясь о завтрашнем дне, проделали далекий путь, только чтобы услышать его, чтобы исцелиться от телесных и духовных недугов, Йешуа понял, что момент настал.

Он почувствовал, что ради этих людей он вправе обратиться к ниспосланным ему свыше силам, вправе испытать их. Проявление великой веры заслуживает великого вознаграждения.

Окинув учеников испытующим взором, Йешуа, наконец, произнес:

— Вы дадите им есть.

— Мы?! — удивился Шимон. — Да тех пяти хлебов и двух рыб, которые лежат в моей лодке, нам самим едва хватит на ужин. Ты хочешь, чтобы мы купили им еду в Бейт-Цаиде?

— Нет. В этот раз вы сделаете что-то другое, — улыбнулся Йешуа и добавил: — Рассадите народ рядами по пятьдесят человек.

Ученики, с любопытством переглядываясь, стали выполнять странное распоряжение. Йешуа же тем временем подошел к лодке Шимона и извлек из нее хранившиеся там рыбы и хлеб.

Когда ученики усадили народ, по числу образовавшихся отрядов выяснилось, что только одних мужчин в той толпе было пять тысяч. Оглядев это множество, Йешуа произнес: «Благословен Ты, Господи Боже наш, Царь мира, производящий хлеб из земли». Затем он преломил хлеб и передал куски ученикам, чтобы те уже раздали народу.

И удивительное дело, хлеб в руках учеников не только не иссякал, но даже умножался! Ужин занял не более получаса, и как раз, когда солнце опустилось за грядую возвышавшихся над озером галилейских гор, люди насытились и стали расходиться, а ученики принялись собирать оставшийся хлеб.

Пророк Элияу до сих пор не явился ему, до сих пор его не наставил. Но вот он сам повторил его чудо — чудо умножения хлебов! По молитве Элияу в доме вдовы из Царфаты многие дни не истощалась мука в кадке и масло в кувшине. И вот он Йешуа повторил это чудо!

Расколоть гору будет труднее, но уклониться от этой задачи ему уже не дано.

Завершилось лето, наступил новый 3790 год. Причем его начало оказалось отмечено недобрыми знаками. Служба Йом-Кипура сопровождалась странными тревожными явлениями: красная лента, которой метился козел, по жребию посвящаемый Богу, не побелела, как обычно в знак очищения грехов; западный светильник погас прежде времени, и, наконец, ворота Святая Святых неожиданно открылись сами собой^[63].

А через несколько дней в праздник Суккот — Кущей на Иудею обрушился ураган. Временные жилища, построенные из подручных средств, не могли устоять. Почти нигде народ не мог выполнить заповедь проживания в шалашах, тем более, что всю праздничную неделю лил проливной дождь. И это было самое тревожное: молитва о дождях возобновлялась как раз по завершении праздника, и дождь, начавшийся раньше этого срока, служил неблагоприятным знаком.

Поднявшись на Храмовую гору через два дня после окончания Суккота, Йешуа, к изумлению своему, увидел, что Палата тесанных камней, в которой заседал Сангедрин, опустела. Там находились лишь служители цаддукейской канцелярии, но ни одного уполномоченного судьи, ни одного мудреца.

Оказалось, что накануне судьи перебрались в какое-то торговое здание, расположенное в нескольких минутах ходьбы от Храмовой стены. После неблагоприятных праздничных знаков мудрецами было окончательно решено оставить Святое место^[64].

Йешуа довольно быстро разыскал нужную лавку, но не обнаружил в ней рабби Цадока.

Выяснилось, что дурные новогодние знаки священник-мудрец воспринял очень близко к сердцу, и после поста Йом Кипура так и не начал есть. Он дал обет бессрочного воздержания от пищи и столь ослабел, что сегодня остался дома^[65].

— Говорят, что Рабби не прикасается к еде уже три недели? — спросил Йешуа рабби Цадока, навестив его.

— Не совсем так. После захода солнца я разжевываю сухую смокву и проглатываю ее сок.

— Что происходит? — обеспокоенно спросил Йешуа. — Что подтолкнуло Рабби к такому шагу?

— Шхина, Божественное присутствие оставило нас, Йешуа. Сангедрин покинул палату Тесанных Камней. После тех зловещих знаков на Йом Кипур все судьи окончательно признали, что мы не на месте, что мы посылаем ложный знак народу. Шехина оставила Цион, и мы не в праве разбирать преступления, караемые смертной казнью. Мы перебрались в здание, расположенное за стеной Храмовой горы. Санкционированный Римом цаддукейский трибунал, разумеется, продолжит свою работу на прежнем месте.

— Считает ли Рабби, что еще осталась у нас надежда? Что еще можно предотвратить гибель этого города, рассеяние народа, разрушение Храма? Ведь Рабби этого опасается?

— Этого, Йешуа, этого самого. Во имя этого я принял на себя бессрочный пост... И вот, что я тебе скажу: даже если мы не предотвратим катастрофы, даже если решение принято и запечатано окончательно, своим постом и своей молитвой мы повлияем на грядущее возрождение. Сознательно принимаемые страдания «делают душу жертвой повинности». Усилия праведников никогда не бывают напрасны^[66].

Слова мудреца ободрили Йешуа. Это было лучше всякого благословения его плану. Он верил совершенно так-

же. Он не напрасно готовится к решительному сражению с римлянами. Он победит в любом случае. Победит даже в том случае, если погибнет! Кровь праведников никогда не проливается напрасно, жертвы праведников искупают вселенную, жертвы праведников — истинное возношение, служащее окончательному избавлению^[67].

Решение рабби Цадока подтверждало, что он — Йешуа — все это время был на верном пути, что наступивший 3790 год — это действительно «назначенное время».

Дурные предзнаменования — это предзнаменования великих бедствий, но одновременно они также и знаки того, что бедствия эти можно предотвратить, что избавление можно и даже необходимо приблизить!

Ему не хватало знамений наступления «назначенного времени»? В это Новолетие эти знамения обрушились на весь Израиль проливным дождем. Откладывать невозможно, ведь как учат мудрецы, «в Нисане произошло избавление, и в Нисане в будущем произойдет избавление»^[68].

Через полгода, в ближайший Песах он взойдет на Масличную гору и даст римлянам сражение! Тогда «меньший станет тысячей, и младший — народом сильным». «Я, Господь, в назначенное время ускорю это».

11

По возвращению в Галилею Йешуа продолжал проповедовать, исцелять больных и даже воскресил двух умерших. Кроме того он снова совершил чудо умножения хлебов, накормив на сей раз четыре тысячи человек.

Через неделю после этого чуда Йешуа, взяв с собой Шимона, Йоханана и Йакова, взошел на гору Тавор.

Подъем был долг и утомителен. Полюбовавшись открывшимися видами, ученики прилегли под тенистыми кедрами и вскоре задремали. Однако Йешуа было не до сна, он стал молиться. Он просил Отца ответить ему, он просил Отца благословить задуманное им дело.

Уже почти в самом начале той молитвы вид лица его изменился, одежда его стала ослепительно белой, и перед ним предстал пророк Элияу^[69].

Сердце Йешуа замерло. Он ждал этого явления, ждал человека, который не умер, который и на небе остается во плоти.

— Мир тебе, Йешуа, — произнес пророк. — Тебе стало известно, что Храм осужден на разрушение, а народ на рассеяние, не так ли?

— Теперь это уже для многих не является секретом.

— И ты надеешься отменить приговор?

— Да, надеюсь.

— Каким образом?

— Пресвятой принимает решение, а праведник отменяет его! Пост и молитва могут многое, но чтобы отвести столь грозный приговор, необходимы особые меры, необходимо прорваться к окончательному Избавлению, взять Царствие Божие силою. Согласно твоему учению, до наступления времен Машиаха остается еще двести десять лет, срок немалый. Но судя по тому, что мудрецы оказались оповещены о надвигающемся бедствии, сейчас как раз наступило то «назначенное время», настал тот момент, в который избавление может быть ускорено. Теперь главное не упустить это время, вступить в бой в ближайший же Песах!

— Как ты связываешь известие о разрушении Храма с ускорением избавления?

— В нашем поколении пророчество иссякло. И если мудрецы оказались оповещены о грядущих бедствиях, то

не иначе как для того, чтобы попытаться их предотвратить. Рабби Цадок начал бессрочный пост, а я перед Песахом въеду в Йерушалаим и открыто дам знать, что время избавления пришло, что час римлян истек. В пасхальную ночь — ночь первого избавления, и она же ночь избавления последнего — я со своими учениками взойду на Масличную гору. Там мы вступим в бой с легионерами. И если будет на то воля Отца моего небесного, то совершится сказанное у пророка: «Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани. И станут ноги Его в тот день на Масличной горе, которая пред лицом Йерушалаима к востоку; и раздвоится гора Масличная от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, и половина ее — к югу... и придет Господь Бог мой и все святые с Ним. ... И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя его — едино...»^[70].

— Ты хочешь сказать, что гора дрогнет по твоей молитве?

— А также по словам Отца небесного, переданным тобой: «Я владею человеком. А кто владеет Мною? Праведник»^[71].

— Амен! — ответил пророк. — Но не забывай, это твое и только твое решение. Тебя никто не посылает на это дело, и пойдет ли все так, как ты задумал, я не обещаю.

— Но ведь что-нибудь же тебе открыто?

— Не так уж много... Определенно мне известно лишь то, что мир просуществует еще не менее десяти юбилеев, что история продлится не менее восьмой части от «дней Машиаха»^[72].

,но скорее всего дотянет до самого конца этих дней.

— Как?! Избавление может затянуться на два тысячелетия?!

— Да. Такова природа времени. Шесть тысяч лет, как мы учим, существует мир: две тысячи лет — Хаос, две тысячи лет — Тора, две тысячи лет — дни Машиаха.

Двух-тысячелетие Хаоса — началось с Хаоса, началось с грехопадения.

Тора была дана в середине среднего периода, так как центр — действительность мыслимая, а не предметная, и тем самым Торе соответствующая.

Но точно также и Избавление, в котором все свершается. Оно тяготеет к завершению истории. Машиах дополняет творение, а потому его сила привязана к концу конечного периода^[73].

В этот миг подле пророка Элияу появился также и Моше Рабейну.

— Чем обернется твое восстание — сокрыто от нас, Йешуа, — вступил в разговор Моше, — Но мы уполномочены передать, что как и на войне с Санхеривом, тебе в поддержку будут посланы не менее двенадцати легионов ангелов...^[74]

— Что еще не означает победы, — уточнил Элияу.

— Почему?

— Во-первых, грех беспричинной ненависти еще не исполнен, — ответил Моше. — Во-вторых, все что совершается не в свой срок, может пойти вкривь... Слишком уж много отведено в этом плане человеческой свободе, твоей свободе. Мудрец предпочтительнее пророка^[75], но это предпочтение имеет свою цену.

— И, наконец, самое главное, — добавил Элияу. — Ангел, в котором имя Всевышнего, и который в пору Исхода играл вспомогательную роль, в эти дни должен выдвинуться на первый план. Князь Мира, он же Ангел Эсава, в нынешнем поколении входит в силу. В случае же преждевременного избавления, Ангелу этому будут предоставлены самые широкие полномочия. Берегись его.

— Да, я знаю. Он уже являлся мне, предостерегал, пытался сбить с толку. Но мои намерения чисты и мне нечего его опасаться. Гораздо важнее знать, благословляет ли меня Отец.

— Даже в этом я до конца не уверен, — с сожалением произнес Элияу. — Но я могу испросить для тебя знак. Условимся так. Перед тем как войти в Йерушалаим, поищи в Бейт-Ании ослицу с осленком. Если найдешь — бери их себе. Если кто-нибудь станет возражать, отвечай: «Они нужны Господу». Если все пройдет гладко, и ты въедешь, как положено — значит, Он с благосклонностью принимает твоё служение.

В этот миг Симон, Йоханан и Йаков, до того мирно спавшие, вдруг очнулись и увидели пророков, беседовавших с Йешуа.

Они растерянно смотрели на трех светозарных мужей, как вдруг явилось облако, из которого донесся глас:

— Это Мой возлюбленный сын, его слушайте!

— Вот ты и получил своё благословение, — обрадовался Элияу. — Но оставим и наше знамение в силе.

В следующий миг видение внезапно исчезло, и оглядевшись вокруг, ученики увидели перед собой одного Йешуа в его обычном облике. Только его сияющий взор некоторое время ещё напоминал о состоявшейся здесь чудесной беседе.

Вскоре Йешуа в сопровождении внушительной толпы вышел из Кфар-Нахума и направился в сторону Йерушалаима.

В дороге недалеко от горы Гильбоа он отозвал двенадцать учеников и, усевшись с ними на траве, попытался посвятить их в свой план.

— Мы поднимаемся в Йерушалаим. Там в Пасхальную ночь я вместе с вами намерен дать бой римлянам на Масличной горе. Ведь как в древние времена в Нисане на Песах произошло избавление, так же в Нисане на Песах произойдет оно и в конце дней... Возможно, римляне попытаются схватить меня раньше этого времени, поэтому ночами мы будем таиться на Масличной горе. Нужно постараться дать бой именно в назначенное время, но необходимо также и быть готовыми сразиться в любую минуту^[76].

— Как мы можем победить? — удивился Шимон. — У них в Йерушалаиме, должно быть, расквартирован целый легион...

— Как один римский легион может противостоять двенадцати легионам ангелов? Разве вы не читали: «Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани. И станут ноги Его в тот день на горе Масличной, которая пред лицом Йерушалаима к востоку; и раздвоится гора Масличная от востока к западу весьма большою долиною»^[77].

Однажды вы не смогли исцелить бесноватого и спросили меня, какова тому причина. Что я ответил?

— Ты сказал, что по неверию нашему, — ответил Шимон. — Ты сказал: если мы будем иметь веру хотя бы с горчичное зерно и скажем горе: «перейди с этого места

на другое», то так и случится: ничего не будет невозможного для нас.

— Верно, — подтвердил Йешуа. — Если будете иметь веру хотя бы с зерно горчичное, то быть тому.

— А если не окажется в нас такой веры? — озадаченно спросил Йеуда.

— Если не окажется? — задумался Йешуа. — Тогда я окажусь в руках язычников, и надругаются надо мной и распнут меня. Но и тогда восстание наше не будет напрасным, потому что послужит восстановлению Царства Израиля в свой срок^[78].

В этот миг Йешуа невольно вспомнил слова пророка Элияу о том, что «Дни Машиаха» тяготеют к концу истории, что Избавление скорее всего войдет в силу на исходе шестого тысячелетия, то есть наступит в третьем тысячелетии, если отсчитывать от текущего 3790-го.

Поэтому Йешуа добавил:

— Если язычники одолеют, если они разрушат Храм сей, то Бог в третий день воздвигнет его!

Ученики молчали. Сказанное было столь неожиданным и столь немыслимым и темным, что они оказались неспособны его вместить.

Улучшив момент, Симон-Кейпа отозвал Йешуа в сторону и стал возражать ему:

— Пожалей себя Учитель! Да не случится с тобой такого несчастья!

Йешуа же с горечью ответил:

— Зачем ты перечишь, Симон? Всегда происходит то, что задумал Бог, а не человек.

Великую Субботу, субботу, предшествующую Песаху 3790 года, Йешуа провел в Йерихо, а рано утром в первый день недели начал свое восхождение в Йерушалаим.

Поначалу дорога вилась среди крутых и голых, а выше среди пологих и зеленеющих холмов, которые перекатываясь один на другой, убегали в небо, завораживающее глаза своей насыщенной голубизной. По обе стороны от дороги в изумрудной траве сверкали алые маки. Ученики с нетерпением и волнением ожидали события, о котором знали пока только они одни — о восхождении Царя в Йерушалаим и его сражении с римлянами на Масличной горе.

Путь был преодолен всего с тремя привалами, и когда солнце стало уже, наконец, клониться к западу, путники взошли на вершину Масличной горы, и перед ними открылся Йерушалаим.

Когда они стояли там, любуясь Святым городом, Йешуа подозвал Шимона и Йоханана и сказал им:

— Пойдите в то селение, которое прямо перед вами. Там вы найдете ослицу с осленком. Отвяжите их и приведите ко мне. Если же кто-нибудь станет вам возражать, отвечайте, что они нужны Господу; и тогда они позволят вам их забрать^[79].

Шимон-Кейпа и Йоханан тотчас же направились в Бейт-Анию. Они вошли на главную улицу и сразу же у ворот третьего дома увидели привязанных ослицу с осленком.

Шимон стал как ни в чем не бывало отвязывать животных. Из дома тотчас выглянул хозяин и спросил, по какому праву они это делают?

Шимон и Йоханан в один голос ответили:

— Осленок нужен Господу.

Услышав этот, как будто бы условленный ответ, хозяин заулыбался, и махнув рукой, сказал:

— Мир вам! Берите.

Приведя к Йешуа животных, ученики положили на них свои одежды, а сам Учитель сел на осла поверх этих одежд и в сопровождении двенадцати учеников тронулся в Йерушалаим.

По пути к этому шествию присоединялся народ из пригородных сел. В лучах закатывающегося солнца пестрая процессия была хорошо видна из Йерушалаима. Люди стали стекаться с разных сторон и стелить по дороге свои одежды, некоторые срезали с деревьев ветви и также клали их перед ехавшим на молодом осле Йешуа^[80].

Вдоль всей дороги, ведущей к мосту через поток Кедрон, да и на самом мосту люди бурно выражали свою радость:

— Слава сыну Давидову! — кричали одни.

— Благословен Царь, Грядущий во имя Господне! — слышалось с другой стороны.

— Благословенно царство Давида! — кричали третьи.

Этот восторженный прием воодушевил Йешуа. Кто их всех надоумил устремиться ему навстречу? Все складывалась само, все становилось знаком. Вот народ, объятый Святым духом, объявил его царем....

Несколько человек, обеспокоенных столь бурным всплеском народной радости и опасавшихся, что дело может принять скверный оборот, приблизились к ехавшему на осле Йешуа и попросили его унять толпу.

— Рабби, запрети им кричать, что ты царь. Это небезопасно. Дело может дойти до римлян, — стали уговаривать они Йешуа.

Придержав осла, тот обвел взглядом взволнованных людей и ответил:

— Но это правда, правда которая завоеует мир, а потому, даже если они умолкнут, то камни возопиют!

Между тем слова прущим все же не остались им немеченными. Они напомнили Йешуа, что согласно решению Всевышнего, которое он надеялся оспорить, бедствия ожидали не только его, но прежде всего этих ликующих людей. Он вновь приостановил осла, и окинув Святой город печальным взглядом, воскликнул:

— О, Иерусалаим, пока это еще скрыто от тебя, но ты осужден на великие бедствия: враг окружит тебя, окопает тебя рвами, разорит тебя, а жителей твоих уничтожит. Но праведник еще в силах отменить приговор!^[81]

Стоявшие рядом содрогнулись от этих слов.

Сидя верхом на осле, быстро переставлявшем свои тонкие белые ноги по одеждам и ветвям деревьев, Йешуа въехал в городские ворота и направился к Храму.

Толпа незаметно рассеялась, и к Дому Божьему он приблизился в сопровождении лишь нескольких десятков человек. Совершив омовение в одной из многочисленных микв, Йешуа уже было вознамерился войти в Храм, однако, оказавшись возле массивной арки, служившей лестницей на Храмовую гору, он остановился.

Здесь под самой аркой и вокруг нее торговали голубями и обменивали деньги. Вечерело, и толпа торгующих была невелика. Между тем все еще слышался звон монет и оживленные голоса.

Уже много лет между храмовыми торговцами и прущим шла непрерывная война. Прущим требовали, чтобы жертвенные животные продавались в стороне от Храма, у городских ворот, но торговцы по соображениям практического удобства постоянно норовили разместить свои загоны и прилавки у самого входа в Святилище. Прущим периодически разгоняли их скот, опрокидывали им столы, забрасывали торговцев гнилыми овощами, но ничего не помогало^[82].

При виде торгующих Йешуа невольно вспомнились слова пророка Захарии: «не будет больше торговца в доме Господа Цваота в день тот»^[83].

А ведь именно «тот день» по тому же пророку он пришел провозвестить! Еще один знак!

— Написано, «Дом Мой домом молитвы наречется», а вы превратили его в городской рынок, в вертеп разбойников! — гневно крикнул Йешуа торговцам и стал опрокидывать столы менял и скамейки продавцов жертвенными голубями^[84].

Торговцы, оставив товар, немедленно разбежались.

Йешуа вошел в Храм, когда служба уже закончилась. К нему подошли несколько больных людей — двое хромых и слепой — и он исцелил их.

Свидетели чуда, среди которых было немало детей, стали кричать: Ошанна Сыну Давидову!

Находившиеся поблизости книжники с беспокойством спросили Йешуа, слышит ли он это приветствие?

— Да! — ответил он. — Разве вы не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?

Когда же наступили сумерки, он вернулся на Масличную гору в село в Бейт-Анию, где и переночевал с учениками в доме Шимона прокаженного^[85].

14

На другое утро в понедельник Йешуа вновь направился в Иерушалаим.

В пути еще издали он увидел перед собой смоковницу.

— От смоковницы надо взять подобие, — подумал Йешуа. — Если сможет она сейчас ранней весной принести плод, то значит сейчас — до наступления дней Машиаха — может прийти и избавление!

Поравнявшись со стоявшей у дороги смоковницей, Йешуа молитвенно остановился, а затем приблизился к дереву и стал искать на нем плоды.

Не обнаружив ничего кроме свежей листвы, он озадаченно провел рукой по бороде и неожиданно произнес.

— Да не будет же от тебя плода вовек!

И смоковница тотчас засохла.

Ученики недоумевали, и Шимон спросил:

— Как это вдруг засохла смоковница? И за что ты вообще проклял ее, Учитель? Разве сейчас время плодоношения?

— В этом-то и дело, что не время! Это была проверка. Раз она не смогла чудесным образом преждевременно принести плод, то ей пришлось чудесным образом преждевременно погибнуть! Это то самое, о чем я уже говорил вам: через несколько дней мы дадим римлянам сражение на этой горе. Мы должны победить, в знак чего гора эта разверзнется. А если нет, если я погибну, то и это послужит чудом. Знайте, очень может быть, что и со мной случится то же, что случилось с этой смоковницей, что я пострадаю от язычников, что буду ими убит. Однако и это обернется возрождением Царства Израиля в свой срок.

Ученики стояли в растерянности.

— Но я все еще верю в победу, — продолжал Йешуа. — И потому повторяю вам: Если будете иметь веру хотя бы с зерно горчичное, и не усомнитесь, то не только сделаете то, что сделано было со смоковницею, но если и горе сей Масличной скажете: расколись пополам и да выйдут из тебя воды: половина их — к морю восточному, и половина их — к морю западному — то так и будет. И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите^[86].

Взойдя на Храмовую гору, Йешуа столкнулся с раббаном Гамлиэлем.

— Что произошло, Йешуа? — стал расспрашивать его мудрец. — Рассказывают, что вчера ты въехал в Йерушалаим на осле, и что народ приветствовал тебя словно царя? Это правда?

— Да. — ответил Йешуа, и далее произнес слова пророка Амоса: — «В тот день подниму Я падающий шалаш Давида, и заделаю щели его, и восстановлю разрушенное, и отстрою его, как во дни древние, чтобы унаследовали они, названные именем Моим, остаток Эдома и другие народы»^[87].

— Остаток Эдома? — с горечью переспросил глава Сангедрина. — Опомнись, Йешуа. Святым городом овладел не остаток, а начаток Эдома, который только приступил к завоеванию других народов. Шалаш Давида продолжает валиться. Если римляне прослышали о твоём триумфальном въезде — а они не могли о нём не прослышать — ты погиб. Уверен, что за тобой уже следят. Пойдем поговорим с рабби Цадоком, он тоже хотел тебя видеть.

И подхватив Йешуа под руку, раббан Гамлиэль увлек его под крытую колоннаду у западной стены. Там в тени сидели несколько обсуждавших что-то мудрецов.

— Я слышал, что народ провозгласил тебя царем, — произнес рабби Цадок тихим голосом истощенного постом человека. — Не знаю, что ты задумал, но знай, что опасно приближать избавление. Сказано в «Песни песней»: «Заклинаю я вас, дочери Йерушалаима, газелями и ланями полевыми: не будите и не приближайте любовь, доколе не пожелает она»^[88]. Или вспомни, как двести тысяч сынов Эфраима погибли от рук филистимлян, попытавшись выйти из Египта за тридцать лет до установленного Богом срока.

— Ну а разве Тора была дана в свой срок?! — возразил Йешуа. — Разве не сказано, что она была предназначена

лишь тысячному поколению, в то время как открылась двадцать шестому?^[89]

Тот, кто приблизил время дарования своего Закона, может приблизить также и час Избавления. Как и сказано через пророка: «в назначенное время ускорю». Какое это еще время, если не наше?

— Бог может ускорить все на свете, Йешуа, но не мы... — озабоченно покачал головой рабби Цадок. — Откуда твоя уверенность? Все говорит о том, что ныне Всевышний скрывает свой лик. На что ты надеешься, Йешуа, на что?

— На то же на что и вы, Рабби. Я разделяю вашу же веру в силу поста и молитвы. Люди в силах отменить небесный приговор. Святой, благословен Он, владеет человеком, а Святым владеет праведник. Ибо Бог принимает решение, а праведник отменяет его.

Рабби Цадок понял, что Йешуа решил, что его бесполезно было отговаривать, а значит, что не оставалось ничего другого, как его поддержать. Кто знает?

— Дай Бог, чтобы ты оказался прав, — тихо проговорил рабби, — чтобы оказался в силах довести до конца то, что задумал.

Йешуа испытал подъем от того, что совершенно неожиданно заручился поддержкой великого праведника, священника и мудреца.

* * *

Раббан Гамлиэль был прав: как раз в этот час в канцелярию прокуратора поступил рапорт о вчерашних событиях.

Пилатус распорядился расследовать историю въезда в Иерушалаим «царя иудейского» и выяснить, где он в настоящее время находится.

Дело могло оказаться нешуточным.

Царей в завоеванных Римом странах назначал только император. В Галилее на эту должность он утвердил Гордуса Антипу, но в Иудее царское правление было упразднено. Вот уже двадцать лет, как страна была превращена в римскую провинцию, управляемую прокуратором. Любые слухи о претензии кого-либо занять царский трон являлись необходимым и достаточным поводом для возбуждения уголовного расследования.

Закон трактовал это не только как запрещенную политическую деятельность, но и как оскорбление императорской божественности. Посягательство на царскую власть каралось смертью. Столь явный и дерзкий случай, когда многотысячная толпа провозгласила кого-то царем, требовал самого скорого и решительного расследования.

Через несколько часов Пилат выслушал подробный доклад о вчерашних событиях. Также было установлено, что самозванец — знаменитый целитель и проповедник Йешуа из Нацрата — в эти часы проповедует в Храме.

Пилатус, за четыре года правления хорошо усвоивший, что неуважение к Святилищу неизменно вызывает в народе возмущение, не торопился без необходимости производить арест Йешуа в пределах Храма. Даже на улицах в эти дни это могло оказаться не просто из-за их переполненности города паломниками.

Поэтому Пилат распорядился, чтобы его агенты выяснили, где Йешуа ночует.

Сыщики без труда проследили за отрядом галилеян до самой Бейт-Ании.

Один из них остался следить за домом Шимона Прокаженного, в который вошли Йешуа с учениками, а другой отправился в город за легионерами.

Предыдущую ночь Йешуа с учениками провели здесь: — кто спал в самом доме, кто в прилегающем к нему саду.

Однако сейчас было решено всем уйти спать в Масличную рощу, начинающуюся сразу за садом, в который вел задний ход.

Когда посреди ночи в дом вошли солдаты, они застали только перепуганных хозяев^[90].

15

На другой день во вторник Йешуа снова пришел в Храм.

Он не предпринимал больше никаких драматических шагов. Не напоминал о том, что является «Царем», а беседы и проповеди его в Храме носили случайный характер. Он рассказывал притчи, спорил с цаддукеями о воскресении из мертвых, выяснял с книжниками, какая из заповедей самая главная, и со спокойной решимостью ждал приближающегося часа.

Отец небесных в присутствии пророков Моше и Элияу назвал его своим возлюбленным сыном и послал ему осла для въезда в святой город! Ему этого достаточно. В пасхальную ночь он даст римлянам сражение на Масличной горе. А дальше будь что будет.

* * *

Услышав в полдень, что и на сей раз мятежники не были задержаны, Пилатус вызвал в преториум секретаря Первосвященника и попросил, чтобы тот помог ему задержать галилейского смутьяна, по меньшей мере, поучаствовал в его розыске.

Среди священников было немало преданных своему народу и своей священной родине людей. Тем не менее, назначаемый Римом Первосвященник и достаточно широкий — «цаддукейский» — круг его родственников и приверженцев сотрудничали с римской властью, более того, являлись ее ставленниками.

Цаддукеи подчинялись Риму, однако собственного рвения не выказывали, а в иных ситуациях так даже открыто протестовали. По меньшей мере, они никогда не упускали случая продемонстрировать свою «полезность» народу, всегда стремились показать, что они не только проводят политику Рима, но и отстаивают интересы Иерусалаима.

Поэтому, получив от прокуратора столь неприятное задание, Первосвященник совсем не торопился с его выполнением. Вместе с тем, он сразу заметил, что просьба Пилатуса позволяла ему вести двойную игру.

Уж коль скоро сам игемон обратился к нему по поводу «царя», то тем самым у него появлялась возможность ненавязчиво за Йешуа ходатайствовать. Отстоять жизнь прославленного целителя и проповедника безусловно было бы большой заслугой, которую оценили бы и мудрецы, и простой народ.

Кайафа немало слышал о Йешуа и сам встречал его в Храме. Этот рабби, конечно, высокомерен, порой даже дерзок, но он целитель, а не сикарий. Даже если он почему-то вздумал принимать знаки царского поклонения, то сам их ни от кого не требует. Весьма вероятно, что его еще можно будет оправдать в глазах Пилатуса. Особенно если действовать через Сангедрин.

В самом деле, стал размышлять Первосвященник, если созвать Сангедрин и на его заседании установить среди прочего, что Йешуа не претендует на царский венец, то Пилатус не сможет не принять во внимание этого вердикта.

Возможно даже, что одним этим ходом удастся добиться двух целей — с одной стороны помочь прокуратору задержать Йешуа, а с другой — предотвратить его гибель!

Через час Первосвященник встретился с председателем Сангедрина раббаном Гамлиелем, рассказал ему о своем разговоре с Пилатусом и предложил свой план спасения Йешуа от римской расправы.

— На этом собрании Сангедрина, — пояснил Кайафа, — мы могли бы, во-первых, подобрать своих свидетелей, во-вторых выявить все несогласованности у свидетелей имеющих, чтобы несогласованности эти перед Пилатусом выпятить, ну и в-третьих дать понять Йешуа, как ему следует вести себя с игемоном, чтобы избежать казни.

— Я уже беседовал с Йешуа, — сказал раббан Гамлиель. — Его невозможно переубедить. Из твоей затеи ничего не выйдет.

Между тем узнав, что на Йешуа объявлена охота, раббан Гамлиель немедленно разыскал его в Храме и предостерег.

— Вместе с твоими учениками ты довольно приметен. Расходитесь сегодня по одному. Да и завтра, и послезавтра, когда придете сюда с жертвенными агнцами, по дороге держитесь порознь. Где ты собираешься совершать пасхальную трапезу?

— Где Бог пошлет.

— Считай, что Он уже сделал это. Я подготовлю тебе место. Договоримся так: послезавтра в третьем часу у Тройных ворот тебя будет ждать человек с кувшином. Он доведет вас до места.

— Благодарю Рабби.

* * *

Совет раббана Гамлиеля понравился Йешуа. В Пасхальную ночь они выступят одним вооруженным отрядом, но чтобы этот план осуществился, пока им следует совсем потеряться из вида. По одному Йешуа и его ученики в тот день разбрелись из Храма, и по одному стали подниматься на Масличную гору.

Через час все собрались на условленном месте, с которого открывался захватывающий вид на всю Храмовую гору. И тут ученики, воспользовавшись тем, что никого поблизости не было, спросили Учителя о сказанных им накануне грозных пророчествах:

— Поясни, Учитель, свои слова о разрушении Храма, — попросил Йоханан^[91].

— Ныне это открывается уже многим, — ответил Йешуа, — открывается, что не останется здесь камня на камне; что все будет разрушено... Но разве вы читали когда-нибудь в Писании пророчество, которое бы не на двое было сказано? Иеремияу предрекал Йерушалаиму великие ужасы, которые в конце концов и обрушились на Святой Город, но он же говорил: покайтесь и эти бедствия минуют вас.^[92]

А помните, что было сказано царю Шломо, в день, когда он построил Храм?

И не дождавшись ответа, Йешуа произнес по памяти:

«Посвятил Я этот дом, который ты построил, пребыванию имени Моего там вовеки; и будут очи Мои и сердце Мое там во все дни... Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня, то Я истреблю Израиль с лица земли, которую Я дал ему; и дом, который Я посвятил имени Моему, отвергну от лица Моего; Дом этот, который был так высок для каждого проходящего мимо него, будет разрушен»^[93].

— Так же и я вам говорю, если мы того удостоимся, то через два дня римляне в ужасе побегут из Святой Земли. Если же не удостоимся, и я погибну, то силы небесные поколеблются, и увидите на святом месте мерзость запусте-

ния, реченную через пророка Даниила. И тогда придут те бедствия, которые уже ныне предчувствуют мудрецы.

— Что же тогда делать?

— Помнить, что смерть праведников искупает, что жертвы праведников — истинное возношение во вселенной, и ради них сократятся те дни^[94].

16

На другое утро в среду Иешуа и двенадцать его учеников опять же по одному направились в Храм.

Кайафа между тем не внял заверениям раббана Гамлиэля. Он не хотел отказываться от своего плана, и решил довольствоваться своим кругом, то есть задействовать не Сангедрин, а собственные судебные и полицейские инстанции, действовавшие под жестким контролем прокуратора.

Рассчитывать на то, что Иешуа добровольно явится на его «судебное заседание», Кайафа не мог, задерживать же его в Храме он опасался еще в большей мере, чем римляне.

Решение пришло само собой. Кайафа и раньше слышал, что его секретарь приходится родственником одному из учеников Иешуа — Йеуды Ишкриота.

Секретарь рассказал Йеуде о намерении Первосвященника провести над Иешуа фиктивный суд, призванный обелить его в глазах римлян.

Йеуда, который и без того уже понял, что дело идет к трагической развязке, пришел в восторг и сам предложил свою помощь.

Его тут же допустили к Первосвященнику, который попросил Йеуду уведомить его, где и когда можно незаметно задержать Йешуа.

— Проще всего это сделать на Масличной горе, в той роще, в которой мы ночуем. Но когда?

— Как можно скорее, но только, конечно, не в праздник, и не в субботу^[95].

— Но праздник уже завтра, а за ним сразу наступает суббота.

— Значит, сделаем это в первый день недели.

— Хорошо. Встретимся в Храме в первый день и обо всем окончательно договоримся.

Однако ближе к вечеру после того, как Первосвященник вернулся в свой дом в верхнем городе, к нему пожаловал сам Пилатус.

Игемон был взбешен тем, что ему вновь не удалось задержать Йешуа — на этот раз при выходе из Храма.

Одной из главных примет Йешуа являлась его свита — двенадцать молодых галилеян. Одна схожая группа была задержана, и скоро отпущена. Но Йешуа со своим отрядом каким-то образом сумел укрыться от зорких глаз ищеек. Пилатус негодовал.

— Помнится, я просил тебя помочь мне с задержанием самозванца, — напомнил он Кайафе. — Есть какие-то новости?

— Мы уже начали свое дознание, и я лишний раз убедился в том, что человек этот совершенно не опасен для императора. Он даже, как мы слышали, учит народ не уклоняться от выплаты подати в римскую казну. Я собираюсь — с разрешения игемона, разумеется, — задержать его и провести допрос с целью выяснения степени его виновности.

— Мне, кажется, что это вне компетенции вашего отделения.

— Поэтому-то я и сказал, «с разрешения игемона». Материалы нашего дознания не могут помешать, но могут помочь в выяснении истины. Уверяю, он не опасен. Этот галилеянин очень известный лекарь, исцеливший немало достойных людей. Но мятежа он не затевает, уверяю, игемон.

— Хорошо. Я не возражаю против вашего расследования, особенно, если вы действительно разыщете его для меня. Но только действуйте незамедлительно.

— Я смогу сделать это через три дня.

— Через три дня?! Это невозможно. Это дело слишком затянулось. Говори, где его можно найти, и я сам его арестую.

— Мне это будет известно только завтра, когда в Храм явится один из его учеников, ставший моим агентом. Но завтра уже праздник.

— Какое мне дело до вашего праздника? Ты сам, Кайафа, придумал проводить это расследование. Если тебе мешает праздник, обойдемся без твоего судилища. Задержи его для меня завтра, или дай знать, где он находится.

— Хорошо, я постараюсь завтра.

— Только хорошенько постарайся. Утром у меня должны быть сведения, где этого галилеянина можно задержать, или я арестую его прямо в Храме. Он не просто лекарь, я в этом уверен.

— В Храме?! В праздник? Нет, игемон, вы не сделаете этого!

— Так помоги мне, наконец!

— Хорошо, я постараюсь задержать его в пасхальную ночь. Если все получится, я немедленно проведу судебное расследование и утром передам его вам. Надеюсь, что это недоразумение, которое быстро разъяснится.

Утром 14 нисана на Храмовом дворе началось заклание пасхальных ягнят.

— Рабби, — поинтересовался Шимон-Кейпа, — Где мы будем есть пасхального агнца? Ведь ты говорил, что трапеза наша должна быть тайной, чтобы нас не задержали прежде, чем мы взойдем на Масличную гору.

— Пойдите в город, там у Тройных ворот вам встретится человек с кувшином воды. Последуйте за ним до дома, в который он войдет, а там спросите у хозяина, где комната, в которой нам предстоит трапезничать? Он вам ее покажет, а уж вы подготовьте все к празднику.

Шимон-Кейпа позвал с собой Йоханана, и в указанном месте их действительно встретил человек с кувшином. Он довел их до некоего дома в верхнем городе, где при содействии хозяина они приготовили пасхальную трапезу^[96].

Сам хозяин вскоре удалился, а Йоханан тем временем сходил за учениками, оставшимися в доме Шимона Прокаженного, и объяснил, как по одному дойти до тайного дома.

Кайафа, повелел секретарю разыскать на Храмовой горе Йеуду, и когда тот явился, сказал ему.

— Пилатус угрожает арестовать Йешуа прямо в Храме. Мы должны действовать сегодня, в праздник. Я думаю лучше всего, чтобы ты выдал нам своего Учителя этой ночью, после трапезы.

— Хорошо. Уверен, что после трапезы мы снова поднимемся на Масличную гору. В любом случае, пусть ваши люди ждут после полуночи в долине Кедрона у могилы Авшалома. Оттуда я приведу вас на место и буду приветствовать Учителя поцелуем.

Чтобы заручиться полным доверием Йеуды, подчеркнуть свою заинтересованность в благополучии Йешуа

и свою веру в возможность его спасения, первосвященник передал Йеуде тридцать динариев для его учителя, на его общину^[97].

Через час Пилатус получил извещение, что все идет по плану, что Йешуа будет задержан ночью и доставлен к нему под утро.

* * *

Наступил вечер. Первые звезды уже загорались на ясном и чистом небосводе. Пришло время пасхальной трапезы. Йешуа заговорил:

— Помните, как три года назад на ипподроме в Кейсарии Понтиус Пилатус испугался безоружных евреев и уступил им? Тем более так должно случиться сегодня, когда наступило назначенное время, время в которое ускоряется избавление... Вы учили, что как в месяце Нисан пришло первое избавление, также в месяце Нисан придет и последнее... Сегодня после трапезы мы, вооружившись и не таясь поднимемся на Масличную гору. На вершине мы столкнемся с римлянами. Там всегда имеется патрульный отряд, а по случаю праздника, скорее всего, будет размещена центурия. Мы вступим в сражение, и тогда Отец небесный пошлет нам в поддержку с небес ангельские легионы. Как в ночь исхода в Египте погибли все первенцы, а в ночь, когда Санхерив окружил Йерушалаим, «вышел ангел Господень и поразил в стане Ашшурском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все они — мертвые тела», так и в эту ночь придет погибель язычникам. И вот, Масличная гора расколется и из недр ее потекут два потока — один в сторону западного моря, а другой в сторону восточного.

Йеуда вздрогнул.

— Как правильно он, оказывается, поступает! Он приведет на место цаддукейскую стражу и предупредит эту

безумную схватку с легионерами! Он спасет своего сумасшедшего Учителя!

— Начнем, — произнес Иешуа. — Час священной трапезы наступает, час избавления приближается.

Он возлег, все остальные расположились рядом.

Иешуа сказал им:

— Вот мы едим этого агнца с мацей и горькой зеленью. Сегодняшняя наша трапеза совершается под римским ярмом, но следующая совершится уже в Царстве Божием^[98].

Затем, подняв бокал, Иешуа благословил вино:

— Благословен Ты, Господи Боже наш, Царь мира, создавший виноградный плод, — и после того добавил:

— Да прольются потоки вод из горы Масличной, как льется сегодня это вино... Если же не потекут потоки, но римляне прольют мою кровь, да будет воля Твоя, Отец, чтобы она пролилась не напрасно, но во имя грядущего избавления. Да будет воля Твоя, чтобы как изливается это вино, кровь моя пролилась во искупление греха беспричинной ненависти^[99]

И он пустил чашу по кругу, чтобы все отпили из нее. Вслед за этим, взяв мацу, он благословил ее, и, прежде чем преломить и раздать ученикам, сказал:

— Да разломится сегодня гора Масличная, как ломается этот хлеб. Если же гора не разломится, но язычниками будет растерзано тело мое, то да будет воля Твоя, Отец, чтобы была преломлена моя плоть во имя грядущего избавления, как преломляется этот пресный хлеб^[100].

Еще днем Иешуа заметил, что Йеуда Ишкариот напряжен и встревожен. Теперь же он все время покрывался испариной и поглядывал на дверь.

— Никак он трусил и хочет бежать? — почувствовал Иешуа. — Трус, он предал дело избавления.

Когда же все стали отламывать куски запеченного жертвенного ягненка, Иешуа сказал:

— Истинно говорю вам, один из вас струсил, один из вас бросает нас.

Ученики опечалились, и стали с беспокойством говорить ему, один за другим: Не я ли?

Он же отвечал:

— Да, один из вас, обмакивающий со мною в это блюдо. Он уже решил, что поражение предрешено и не желает идти на поле битвы.

За этой трапезой не было той непринужденности и того веселья, которые обыкновенно сопровождали любое другое их совместное застолье. Всех поглотило ожидание предстоящей битвы, должной повлечь избавление Израиля и мира, или их гибель.

Как будто бы что-то тревожное повисло в воздухе, особенно после того, как в смущении, проталкиваясь боком, покинул праздничное собрание Йеуда.

18

— Пора, — произнес Йешуа, после того как трапеза закончилась и благодарственная молитва была произнесена. — Где оружие?

— Вот, — ответил Шимон-Кейпа, приоткрывая циновку и указывая на блеснувшие клинки. — Тут два меча. Больше достать не удалось.

— Двух мечей достаточно. Некогда во всем Израиле оставалось только два меча, как сказано: «И было, в день войны не нашлось ни меча, ни копья в руках у всех людей, бывших при Шауле и Йонатане, а нашлись они только у Шаула и Йонатана, сына его»^[101]. Но Бог дал победу на-

роду своему, «ибо для Господа нет препон, чтобы спасти через многих или немногих»^[102].

Йешуа поднялся с циновки, вышел из дома и запел хвалебные гимны, тотчас подхваченные его учениками:

«Славьте Господа, потому что Он добр, потому что навеки милость Его... Пусть скажут боящиеся Господа, что навеки милость Его. Из тесноты воззвал я к Господу — простором ответил мне Господь. Господь со мной, не усташусь. Что сделает мне человек? Господь мне в помощь, и увижу я (гибель) ненавидящих меня. Лучше уповать на Господа, чем надеяться на человека. Лучше уповать на Господа, чем надеяться на знатных. Все народы окружили меня, но именем Господним я уничтожу их»^[103].

Они выступили отрядом, готовые вступить в бой с первыми попавшимися легионерами.

По дороге римляне не встретились. Поднявшись на обычное место их сбора, расположенное в саду на склоне Масличной горы, Йешуа повелел для привлечения внимания зажечь большую часть факелов и стал молиться.

— Отец мой! Всё возможно Тебе! Встань, как пророчествовал Захария, ополчись против этих народов, как ополчился в день брани. Встань на горе Масличной, которая пред лицом Йерушалаима к востоку; чтобы раздвоилась гора Масличная от востока к западу и половина горы отошла к северу, и половина — к югу. ... И стань Царем над всею землею!^[104]

Время тянулось, римляне не появлялись. Не видно было даже патрульного отряда.

— Побудьте здесь, пока я молюсь, — сказал Йешуа своим ученикам, расположившимся вокруг него прямо на земле.

И позвав с собою Симона, Иакова и Йоханана, тех самых, которые наблюдали преображение его на горе Тавор, он отошел в сторону.

— Душа моя смертельно скорбит, — сказал им Иешуа, — побудьте со мной.

Их отряд почему-то не привлек внимания. Римляне не появлялись. Что-то пошло не так!

Всю свою жизнь он чувствовал подле себя Отца, но теперь в эту страшную минуту Тот как будто отступил от него. Впервые молитва Иешуа уносилась в пустоту.

Момент терялся. Под утро их крепко спящих, не приведя Боже, возьмут голыми руками!

Холодный пот выступил на лбу Иешуа, и великий ужас охватил все его существо. Нет, не напрасно он готовил учеников к возможности своего поражения! Смерть праведников искупает, жертва праведника истинное возношение во вселенной! Вот на чем следует сосредоточиться в том случае, если после появления римлян чуда не произойдет, если маслина останется бесплодной!

— Отче! — воззвал Иешуа. — Пронеси мимо меня чашу сию!

Римляне не появлялись.

— Симон! Ты спишь? — воскликнул Иешуа. — Как ты не смог бодрствовать со мной в этот страшный час?

Он еще произносил эти слова, как из темноты выступил Йеуда — один из двенадцати. За ним в свете факелов ясно виднелись еврейские лица — храмовые стражники и челядь из окружения первосвященника. Но римлян среди них не было!

Увидев своего учителя, Йеуда подошел к десятнику и шепнул ему:

— Кого я поцелую, тот и есть Йешуа. Возьмите его, но обращайтесь с ним почтительно, и не думайте его связывать — это согласовано с Кайафой^[105].

В тот же миг стражи Храма окружили Йешуа, взяли его под руки и повели.

Тогда Шимон, как и было условлено, выхватил меч, и ударив слугу первосвященника, отсек ему ухо.

Но Йешуа немедленно остановил его.

— Ты разве видишь где-то здесь римлян, Шимон? Возврати меч твой на место, — ибо погибнет тот, кто поднимает меч на брата своего. Или ты думаешь, что я не могу теперь же умолить Отца моего, и Он представит мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Но легионы ожидают приказа напрасно — враг не пришел, а с братьями мы не воюем.

— Это спектакль, — шепнул Йеуда в ухо Йешуа. — Мы взяли тебя, чтобы спасти от римлян.

Задержав Йешуа, храмовая стража повела его в дом первосвященника, располагавшийся в двадцати минутах ходьбы от Храма в Верхнем городе.

Йешуа, и без Йеуды бы догадался, что происходящее — инсценировка. Затянутое над ним судилище не имело никакой силы, точнее, его «дело» рассматривал не Сангедрин, а цаддукейская охранка.

Действительно, «заседание» проводилось в частном доме, а не в судебной палате Сангедрина, покинувшего, впрочем, полгода назад Храмовую гору. Во-вторых, велось оно в запрещенное для судопроизводства время —

в праздник, да еще и ночью, ну и наконец, в нем не принимали участия основные и постоянные члены еврейского суда — пружим.

Но для римлян, в детали «суда» не вдававшихся, как надеялся Кайафа, должна была создаться полная видимость полноценного судебного расследования.

Заседание началось с зачитывания доносов, переданных Пилатусом, и опроса некоторых свидетелей, которых ранее опросили римляне. Накануне Кайафа потерял голову, оповещая и собирая их по всему городу, требуя чтобы они явились в его дом по завершении пасхальной трапезы. Он задумал задать им свои вопросы и заранее выставить лжесвидетелями. На этом странном процессе судьи искали именно «лжесвидетельств», искали противоречий в показаниях, чтобы выставить их как ложные.

И хотя свидетели, как водится, действительно путались и противоречили друг другу, этого не казалось достаточным.

Так, некоторые выступавшие против Йешуа говорили: Мы слышали, как он утверждал: «Разрушьте Храм сей рукотворный, и через три дня я воздвигну другой, нерукотворный».

Римские власти стояли на страже всех культов, совершаемых на территории империи. Любой призыв разрушить какой-либо храм карался, и поэтому этим нелепым обвинением также не следовало пренебрегать. Но Йешуа молчал.

Тогда Первосвященник обеспокоился и спросил его:

— Почему ты не возражаешь? Они же свидетельствуют против тебя? Ответь им что-нибудь, наконец!

Говоря так, он надеялся, что сам Йешуа сможет уличить их во лжи. Но тот продолжал молчать и не ответил ни слова. Тогда теряющий терпение Первосвященник решил, наконец, задать свой главный вопрос:

— Отвечай нам тогда: По-твоему, ты — царь? Царь Иудейский?

Он не стал Царем, Ангел Смерти провел его, послав на Масличную гору кучку евреев-коллаборационистов, а не грозную римскую когорту. Но не было силы, которая бы могла заставить Йешуа даже задним числом отречься от своего решения. Пусть это будет жертва, «жертва повинности»^[106], принесенная во искупление грехов народа, во искупление вселенной; жертва, которая послужит восстановлению царства Израиля в свой срок!

Йешуа пристально взглянул на Каияфу и произнес: — Да — я царь.^[107]

Этого ответа никто из присутствующих совершенно не ожидал.

Ну, подумаете, народ в порыве энтузиазма выкрикнул несколько патриотических фраз. Как можно было их принимать всерьез? Как можно было принимать на себя какую-то ответственность за эти нелепые крики?

И тогда, осознав, что Йешуа обречен, что римский суд неизбежно признает его виновным в бунте против кесаря, в зале раздался гул:

— Несчастный! Какое еще нужно свидетельство? Он сам признал свою вину!^[108]

— Теперь он безо всякого сомнения подлежит смерти, теперь уже ничто не спасет его!^[109]

Первосвященник помрачнел и стоял без движения. А его тесть — священник Ханан поднес руки к вороту своего хитона и двумя ровными движениями разодрал его, как положено в знак скорби и народных бедствий.

Убедившись, что он бессилен спасти Йешуа, Первосвященник подозревал начальника своей стражи и распорядился передать его Пилатусу.

Храмовые служители связали Йешуа и сопроводили его в преториум, где он был взят под стражу римскими легионерами.

Всем участникам «суда» было тяжело и неловко. Ко всему становилось ясно, что отказ Йешуа от сотрудничества с ними будет истолкован в том смысле, что они — цдуким — находились в сговоре с римлянами! Теперь народная молва возведет кровь этого безумца не только на римлян, но и на священников и книжников! Только у прущим хватило ума не участвовать в этом спектакле!^[110]

После заседания кто-то сказал Ханану, что разрывание им одежд, возможно, было излишне, ибо кто он в конце концов, этот галилеянин, чтобы за него так переживать. На это тесть Первосвященника ответил:

— Я скорбел не из-за него. Он сам пожелал умереть. Но неужели ты не видишь, что теперь народ обвинит нас в том, что мы выдали его Пилатусу? У меня самые тяжелые предчувствия на этот счет. Его упрямая жажда смерти причинит еще немалые бедствия всему народу.

Йешуа, между тем, привели к прокуратору.

Не откладывая выяснения его виновности в долгий ящик, Пилатус с порога спросил его: — Ты Царь Иудейский?

Йешуа кратко ответил: — Ты говоришь.

Присутствовавшим при этой сцене священникам нечего было сказать в его защиту. Они лишь скорбно переглядывались между собой, в душе осуждая его самоубийственное упорство.

Пилатус же опять спросил его:

— Почему ты не отвечаешь определенно? Разве не видишь, какое суровое против тебя выдвинуто обвинение?

Но Иешуа и на это ничего не отвечал, удивляя Пилатуса столь явным равнодушием к собственной судьбе^[111].

Между тем прокуратор быстро увидел выгоды, скрывавшиеся в несговорчивом поведении его узника. Теперь он мог свободно казнить «царя», не выказывая открытого пренебрежения к просьбе иудеев о его помиловании.

Он вышел на крыльцо преториума, перед которым к тому моменту собралось немало народу, и поднял руку. Все стихли.

— Этот человек ничего не хочет сказать в свою защиту, — заявил прокуратор. — Я бы хотел освободить его, как о том просили меня ваши вожди, но галилеянин не ищет себе оправдания. Будьте мне свидетели, что я не повинен в его крови.

После этих слов Пилатус взял из рук сопровождавшего его слуги кувшин с водой, омыл из него свои руки и вернулся в преториум.

Он еще раз окинул своего узника презрительным взглядом, и пожав плечами, подписал ему смертный приговор. Писец подал Пилатусу протокол судебного заседания, занимавший всего несколько строк.

Через несколько часов Иешуа был распят на кресте вместе с двумя другими евреями, как и он, обвиненными в мятеже.

Над головой Иешуа в насмешку была прибита дощечка с надписью, указывающей его вину — «Царь Иудейский». Его смерть наступила ближе к вечеру, но до наступления субботы.

Ученики сообщили горькую весть видному члену совета Йосефу из Рамы. Тот незамедлительно отправился к Пилатусу и убедил его выдать труп казненного.

Получив разрешение, Йосеф приобрел по дороге погребальное полотно, условившись передать деньги за него уже после праздника и субботы.

Покрытое саваном тело Йешуа было с поспешностью, вызванной надвигающейся субботой, погребено в скальной пещере.

Проститься с Йешуа пришли лишь самые близкие ученики.

21

Пока еще продолжалась агония, Йешуа увидел витающего поодаль Ангела смерти. Его бесчисленные глаза пристально смотрели на судорожно вздрагивающее тело.

В какой-то момент Ангел решительно приблизился к Йешуа, и душа страдальца отлетела.

— Ты, я вижу, нашел способ предотвратить войну Гога и Магога. — сразу же мысленно набросился Йешуа на Ангела. — Послал на меня в пасхальную ночь вместо римских легионеров отряд еврейских «спасателей»...

— Ты бы все равно не смог принести полноценного избавления. Храм бы устоял, римляне бы бежали, но ненависть бы осталась... Беспричинная ненависть сожрала бы твой народ. Пойми, не может прийти избавление в эпоху Закона; Хизкияу по этой же причине не смог воспеть хвалу...

— Не правда. Пасхальная ночь 3790 года — это «назначенное время». Йоханан и я верно опознали его.

— Не возражаю. День разрушения Храма, который пост раби Цадока отсрочит на сорок лет^[112] действительно

наречется днем рождения Машиаха. Но это лишь только рождение... Машиах появится у ворот Рима все же в положенный ему срок, через пару столетий^[113]. Лишь с той поры его пришествие сможет осуществиться в любую минуту. На деле нынешнее время оказалось предназначено для чего-то другого. Всему есть свое время под солнцем, а то, что приходит преждевременно — развивается своеобразно. Все что приходит не ко времени — прекрасный материал для творческой фантазии. Я предупреждал тебя, но ты не послушался, и теперь пеняй на себя. Но оно и к лучшему. Теперь мы приготовим с тобой нечто по-настоящему интересное, интеллектуальное, мы привнесем в историю иронию, мы всколыхнем мир, и обогатим его великими достижениями. До самого окончательного избавления, ты будешь Машиахом народов, и даже не только их Машиахом, но и их богом.

— Богом? Что может устоять на такой лжи?

— Почему же на лжи? Разве о вас — сыновьях Израиля — не сказано, что сыны Всевышнего все вы?^[114] Если все, то уж тем более — ты, один из лучших. Как видишь, никакой лжи, просто немного фантазии, немного игры.

— Игра игре рознь. Твою игру уместней назвать кривляньем.

— Но ведь и кривлянье кривлянью рознь. Кривой путь иногда бывает короче прямого. Поверь мне, существует и такая геометрия. Вспомни свою родословную... Я так помирачил ум Лота, что он осеменил собственных дочерей. Я придал такое очарование Тамар, что перед ней не устоял Йеуда. За счет этих обходных маневров мужественность мессианского рода удвоилась... Так же и теперь. Для сыновей Ноаха принять еврея за Бога — не только извинительно, но в твоём случае даже спасительно. Поверь, в мире не найдется ничего короче этой кривой.

— Но с какой стати, и кому вообще может прийти такая идея?

— Пока только мне, но скоро с твоей помощью я поделюсь ей со всем человечеством. Ханох и Элияу были восхищены в теле живыми, ты будешь восхищен мертвым. Через полчаса тебя снимут с креста, через два часа похоронят. Две ночи твое тело будет оставаться в склепе, но перед рассветом я заберу его. Иудеи скажут, что тело похищено; твои ученики, что ты воскрес из мертвых. И все будут правы... Масса вселенной в третий раз уменьшится ровно настолько, насколько она уже дважды уменьшилась после изъятия тел Ханоха и Элияу.

— И чего ты этим добьешься?

— До сих пор мне принадлежал Космос, теперь же я войду в Историю. Я ведь не только Князь мира, по совместительству я так же и Ангел Эсава. Я представитель Эсава в духовном мире, как его брат Йаков представитель Всесвятого в мире земном. А время Эсава только приходит, только начинается. Власть Рима распространится на весь мир. Я вижу себя главным патроном и меценатом мировой культуры. Но с этим мы пока подождем, на первых порах — в ближайшее тысячелетие — придется посвятить себя теологии... Главное божество народов — растительное божество. Оно умирает и воскресает. Мудрецы народов совместят ваши образы, они посчитают тебя воскресшим и вытеснят привычные им культы Осириса, Диониса и Тамуза твоим культом — культом Йешуа Аноцри. Они привяжут свое поклонение мне — Князю мира к твоей истории и твоему учению, и таким образом смогут перенаправить свое служение Всесвятому.

— Такое заблуждение невозможно! Невозможно, чтобы Владыка мира поручил тебе такое дело. Оно не устоит.

— Почему же заблуждение? Почему невозможно? Еще при исходе из Египта могло приключиться нечто подобное. Даже должно было приключиться... Тогда, после по-

клонения золотому тельцу, Всевышний уже было поручил мне задание, которое я бы вполне мог творчески развить. В тот раз Праведник уговорил Всевышнего, и Он отменил приговор, отменил мою миссию.^[115] Но тогда речь шла об избавлении Израиля, сейчас — народов, а народы — мои подопечные. На сей раз я, наконец, в деле.

— Что бы тебе, как ты утверждаешь, не поручали, это дело с места не сдвинется без моего на то согласия!

— Во-первых, такое грандиозное дело пойдет и без твоего согласия, а во-вторых, ты согласишься. Ты проиграл, друг мой.

— Но разве ты способен повлиять на мое решение?

— Я предупреждал тебя, что если ты возьмешься за это дело и проиграешь, то оно не закончится твоей смертью. С твоей смертью только все и начнется... Эх, рабби Йешуа бен Йосеф, если бы не твоя затея, до самого «назначенного времени» положение Израиля было бы гораздо лучше, чем оно станет теперь, после того как его начнут преследовать твоим именем! Эх, рабби Йешуа бен Йосеф, тебе предназначалось место великого мудреца, тебе предназначалось авторство великой книги! Согласен, написанная о тебе книга также будет иметь головокружительный успех, но в ней нельзя будет разобраться, где кончается истина и начинается ложь. Прушим будут представлены в ней лицемерами, а в твоей гибели книга эта обвинит еврейский народ.

— Ты не ответил на мой вопрос: каким образом ты надеешься извратить мою волю? Каким образом я, по твоим словам, пожелаю того, что не приемлю?

— Ты не приемлешь меня страшного — многоглазого, ты не приемлешь меня — Змея, но когда Змей обернется Посохом, когда я вернусь к тебе в образе Метатрона, в образе Ангела Божественного лика, твое отношение изменится^[116].

После того, как я заберу твоё тело, мы сольёмся, сольёмся, как однажды уже слился со мной Ханох. Верно, Ханох, как и некоторые его ученики сами хотели того. Они пошли на это слияние, чтобы вместе со мной созерцать Божественную колесницу. Сегодня ты ещё говоришь, что слияния этого не желаешь. Но твоё нежелание ослаблено твоим поражением, и когда ты увидишь Ангела Божественного лика, то уже не станешь возражать.

В течение Субботы ты сам осознаешь, что в силу вступает твой запасной план, — «сделать душу свою жертвой повинности», послужить искуплением вселенной.

А в этом я твой союзник. Все живое укоренено во мне, все умирает и возрождается моими усилиями. Культы всех богов, за исключением, разумеется, Всесвятого, стекаются в меня. Мы переименуем их твоим именем, и через тебя перенаправим Святому. За эту Субботу ты выучишь ещё кое-что, ты выучишь, что сыновья Ноаха не предупреждены относительно соучастного идолослужения^[117], и не сможешь отказать миллионам несчастных, жаждущих приобрести твоей искупительной плоти и крови.

— Боюсь, что смогу. Ты видимо забыл, что сам я — сын Израиля.

— Я помню. Некоторая проблема имеется. Но в первый день недели Ангел Божественного лика явится за тобой, чтобы сопроводить к Престолу Славы. Мы предстанем перед Творцом мира и выслушаем Его вердикт.

Вечером с исходом субботы три галилейские женщины, следовавшие за Йешуа, приготовили ароматные масла, чтобы сделать то, что они не успели сделать до наступления дня покоя — помазать тело учителя.

Камень, прикрывавший пещерный склеп, оказался отвален. Они вошли внутрь и увидели Ангела, который сказал им:

— Не бойтесь. Он воскрес, его нет здесь.

Женщины в ужасе побежали от гроба, и никому ничего не сказали, так как не понимали, что произошло.

Однако вскоре Йешуа явился Шимону и другим ученикам.

Он продолжал посещать своих последователей более месяца. Но на сорок второй день счета снопов (омеров), собрав учеников на Масличной горе, Йешуа объявил о том, что оставляет их.

Лишь тогда ученики решились, наконец, спросить Его о том, что их постоянно мучило и смущало:

— Когда же ты, наконец, восстановишь Царство Израиля?

— Когда же ты изгонишь злодейскую власть?

— Не пора ли сделать это прямо сейчас?

Он же ответил:

— Не вам определять времена и сроки, которые целиком во власти Отца. Мы не удостоились приблизить избавление в назначенный для того час, и теперь лишь в ведомый Царю срок восстановится Его Царство^[118]. Но в восстановлении том будет и наша доля. В тот час мои и ваши последователи помогут отстроить то, что вскоре будет разрушено язычниками^[119].

После этих слов Йешуа стал возноситься, пока облако не скрыло его.

Когда ученики еще всматривались в небо, им вдруг предстали два ангела в белой одежде и сказали:

— Что вы стоите здесь, галилеяне? Йешуа вернется в мир таким же образом, каким ныне покинул его. В назначенное время, когда придет избавление и «раздвоится гора Масличная от востока к западу», так же и он появится вновь, и откроются пути Божии и познается мера соучастия каждого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Арье Барац «Там и всегда» М. 2021 стр 248–249
- [2] Э. Ренан «Жизнь Иисуса» М. 1991 стр 86.
- [3] Х. Маккоби «Революция в Иудее» М. 2007 стр. 130.
- [4] Х. Коэн «Иисус — суд и распятие» Иерусалим 1997 стр 55.
- [5] Д. Флуссер «Иисус» Урал 1999 стр 71.
- [6] Д. Флуссер «Иисус» Урал 1999 стр 74–75.
- [7] Элизабет Кюблер-Росс «Жизнь, смерть и жизнь после смерти». <https://www.litmir.me/br/?b=229699&p=7>
- [8] https://www.youtube.com/watch?v=zbfeuCqLjCE&ab_channel=AlexTseitlin
- [9] Маарей арайя. Дерех атхия.
- [10] Х. Маккоби «Революция в Иудее» М. 2007 стр 125.
- [11] Х. Маккоби «Революция в Иудее» М. 2007 стр 239.
- [12] «Иисус: Все мировые исследования». Эксма 2021
- [13] Вединг Фрикке «Кто осудил Иисуса?» Москва, 2017.
- [14] Бейджент Майкл «Бумаги Иисуса» https://jhist.org/lessons_10/beidg_05.htm
- [15] Х. Маккоби «Революция в Иудее» М. 2007 стр 189
- [16] Х. Маккоби «Революция в Иудее» М. 2007 стр 157

- [17] Х. Маккоби «Революция в Иудее» М. 2007 стр 189 –190.
- [18] Иудейская Война Кн 6. Гл 5:4).
- [19] «Иудейские древности» XX 8.6.
- [20] Бультман «Иисус» «Путь» М. 1990 Стр 127.
- [21] Х. Маккоби «Революция в Иудее» М. 2007 стр 117.
- [22] Флоренский «Философия культа» Богословские труды №17 1977 с 244.
- [23] Климент Александрийский «Строматы» I. 1 М. 1892.
- [24] Арье Барац «Там и всегда» М. 2021 стр 243.
- [25] Х. Коэн «Иисус — суд и распятие» Иерусалим 1997 Стр 13.
- [26] И. Флавий «Иудейская война» (Кн 2 Гл 9:2–3).
- [27] *Даниэль 8:25.*
- [28] *Ваикра 26:8.*
- [29] *Йешайу 11:7*
- [30] *Йешайу 60:22.*
- [31] И. Флавий «Иудейская война» (Кн 1 Гл 33:1–3).
- [32] *Йермияу (25:11)*
- [33] *2-я кн. Малахим (19: 35).*
- [34] *Иехезкель (38:18–39:8).*
- [35] *2-я кн. Малахим (2:11).*
- [36] Магараль «Нецах Исраэль» (Гл. 26).
- [37] *1-я кн. Малахим (9:6–8).*
- [38] *«Сказал Скала Израиля: Я владею человеком. А кто владеет Мною? Праведник» «Тана давей Элияу» (2:7)*
«Сказал Бог Израиля мне, произнес Твердыня Израиля, владеющий человеком, праведник, владеющий страхом Божиим» (2 Шмуэль 23:3). Что это значит? Сказал раби Абаху: Сказал Бог Израиля мне, произнес Твердыня Израиля: Я властвую над человеком. Кто властвует надо Мною? Праведник. Ибо Я выношу приговор, а он отменяет» «Мозд Катан» 16.б

«Святой, благословен Он, владеет человеком, а Пресвятым владеет праведник. Ибо Тот принимает решение, а праведник отменяет его» (Зогар 2.15а)

[39] Шаббат (118.б).

[40] Йома (23.а).

[41] 1-я кн. Малахим 8:34.

[42] «Мозд Катан» 16.б.

[43] Теилим 116:15.

[44] Ваикра (26:8).

[45] *«Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго». Мф 1:18. «Пребыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом свой» Лук 1:56. «Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариєю, обрученную ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей;». Лук 2:4*

«Цельс влагает в уста иудея, что мать Иисуса была изгнана своим мужем-плотником после того, как была изобличена в нарушении супружеской верности и родила от какого-то солдата, по имени Пантеры». Ориген «Против Цельса» XXXII

[46] *«Да не войдет мамзер (незаконнорожденный) в общество Господне... Не может войти Аммонитянин и Моавитянин в общество Господне» Двар 23:3.*

[47] Танхума Толдот.

[48] Шмуэль (2:4–5).

[49] Шмуэль (13:19–14:14).

[50] Захария (14:3–21).

[51] Теилим (85:14).

[52] *«Вот, Я посылаю ангела пред тобою, чтобы хранить тебя на пути и привести тебя в то место, которое Я приготовил. Блуди себя пред ним и слушайся голоса его,*

не прекословь ему, ибо он не простит проступка вашего, так как имя Мое в нем». (Шмот 23:20)

Комментарий РаШИ на слова: «Имя Мое в нем»: «Наши мудрецы говорили, что это Метатрон, ибо его имя подобно Имени его Властелина: его имя имеет то же числовое значение (314), что и Всесильный («шин» + «далет»+ «юд»).

[53] Дварим (6:4).

[54] «И было, при приношении дара подошел Элияу, пророк... И ниспал огонь Господень, и пожрал всесожжение и дрова, и камни, и прах; и воду, что была во рву, вылизал. И увидел (это) весь народ, и пал на лицо свое; и сказали (люди): Господь — Он Бог, Господь — Он Бог.» (1 Малахим 18:39)

«И сказал ему Господь: что это в руке твоей? И он сказал: посох. И сказал Он: брось его на землю. И он бросил его на землю, и тот превратился в змея, и побежал Моше от него. И сказал Господь Моше: прости руку твою и возьми его за хвост. И он простер руку свою, и схватил его, и стал он посохом в руке его». (Шмот 4:2 — 4)

«Святой, да будь Он благословен, нисходит править древом познания добра и зла, добро которого — это Метатрон, а зло — Самаэль, Ангел Смерти, князь демонов» (Зоар Дварим. Ки-тице стр 490)

«Посох Моше — это Метатрон: от него истекает жизнь, и от него же истекает смерть. Когда он преображается в посох — он Помощник, действующий ко благу, а когда он преображается в змея, он Супостат, и Моше бежит от него» (Зоар Берешит 1 стр 158)

[55] Теилим (85:14).

[56] «Вот, Я посылаю ангела пред тобою, чтобы охранить тебя на пути и привести тебя в то место, которое Я приготовил. Блюда себя пред ним и слушайся голоса его, не прекословь ему, ибо он не простит проступка вашего, так как имя Мое в нем». (Шмот 23:20)

[57] «И сказал Он: Сам Я пойду, дабы успокоить тебя. И сказал тот Ему: если не пойдешь Сам, то и не выводи нас отсюда. Ибо по чему же узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? — ведь только, если пойдешь с нами, чем и отличены будем я и народ Твой от всякого народа, существующего на земле». (Шмот (33:15).

[58] «Сказано: «И ходил Ханох пред Богом; и не стало его, ибо Бог взял его.» (Берешит 5:24). «Взял» из сего мира сынов человеческих. И возносился Ханох понемногу до тех пор, пока не стал тем, кем стал — Метатроном великим и могучим, Князем Лика, перед которым трепещут высшие и низшие, вельможи и слуги»: «Зоар Хадаш». «Рут». «Рабби Ишмаэль сказал: Я спросил Метатрона и сказал ему: «Почему ты именуешься по Имени Твоего Создателя (семьюдесятью именами)? Ты более велик, чем все князья, возвышеннее, чем все ангелы, более возлюблен, чем все служители, в большей чести, чем все воинства, вознесен выше всех владык во власти, величии и славе; почему же тогда называют тебя «Отрок» на небесных высотах?». Он ответил: «Потому что я Ханох, сын Йареда. Когда поколение Потопа стало грешить и обратилось ко злым делам, сказав Богу: «Отойди от нас; не хотим мы знать путей Твоих! (Иов 21:14), Святой, будь Он Благословен, взял меня из их среды, — дабы быть свидетельством против них, (будучи) на небесной высоте, для всех, кто придет в мир, чтобы они не могли сказать: «Милосердный — жесток!» «Еврейская книга Ханоха» (4:1—2)

[59] «В «Еврейской книге Ханоха» приводится рассказ патриарха рабби Ишмаэлю о преображении его в ангела Метатрона, сопровождавшемся превращением его плоти в «пылающие светильники». В «Больших Хехалот» утверждается, что каждый мистик должен пройти через это превращение, хотя, будучи менее достоин этого, чем Ханох, он подвержен опасности сгореть. Это прохождение через начальную стадию процесса мистического преображе-

ния — неотвратимая необходимость. В другом фрагменте указывается, что мистик должен стоять прямо «без рук и ног», ибо те сгорели. «Это стояние без ног в бездонности пространства упоминается и в других источниках как характерное переживание многих экстатиков, в частности, описание аналогичной стадии приводится в Апокалипсисе Авраама». Гершом Шолем «Основные течения в еврейской мистике» Т.1 «Библиотека алия» 1989 с. 83

[60] *Даниэль 3*

[61] «Согласно общепринятой точке зрения, по субботам опавшие колосья можно растирать только пальцами. Но по мнению рабби Иехуды, который, как и Иисус, был галилеянином, это можно делать также и „руками“. Следовательно, некоторые фарисеи придирались к ученикам Иисуса, очевидно, за то, что те следовали своей галилейской традиции. Незнакомый с народным обычаем переводчик оригинального текста на греческий добавил в этом месте, вероятно, для наглядности, также и срывание колосьев, не подозревая, что тем самым он ввел в синоптическую традицию единственный случай нарушения Закона учениками Иисуса.» Д. Флуссер «Иисус» Урал 1999 https://cursorinfo.co.il/interest/v-biblii-nashli-skrytuyu-glavu-blagodarya-ultrafioletu/?fbclid=IwAR1yn-VI9jT-hYPxAA66ykd9YPFMxROYL5BjoGa4JpMDY_WJCKfcNoj62OA

[62] Шофтим (7).

[63] «За сорок лет до разрушения Храма жребий (козлов) не выпал на правую сторону; красная лента не побелела; западный свет перестал пылать; двери святилища (ворота Храма) открылись сами по себе...» Йома (39.б).

[64] «За сорок лет до разрушения Храма оставил Сангедрин палату Тесанных камней и стал заседать в лавке» (Сангедрин 41.а).

[65] «Рабби Цадок сорок лет держал пост и молился, чтобы предотвратить разрушение Иерусалима» Гитин (56.а-б).

[66] «Болезни наши переносил он, и боли наши терпел он.... Притеснен и измучен он был, и не открывал рта своего, как овца, ведомая на заклание, и как овца, безгласная пред стригущими ее, и не открывал рта своего... Но Господу угодно было сокрушить его болезнями; если сделает душу свою жертвой повинности» (Иешайяу 53:4–10) «Кого любит Святой, благословен Он, того сокрушает страданиями, как сказано: «Господу угодно было сокрушить его болезнями». Может быть не важно, если человек принимает страдания с любовью? Отнюдь. Как сказано: «Если сделает душу свою жертвой повинности». (Брахот 5)

[67] «Смерть праведника искупает» (Моэд Катан 28.а).

«Если человек праведен, то он истинное возношение для искупления. А иной, неправедный, не пригоден для возношения, потому что порча на нем, как написано: „и не к благоволению и т.д.“. И поэтому праведники – искупление вселенной. И приношение они во вселенной» (Зоар 1,65.а).

[68] Рош-Ашана (11.а).

[69] Лука (9:27–36).

[70] Захария (14:3–21).

[71] Тана давей Элияу (2:7).

[72] «Сказал Элияу р. Иеуде, брату р. Саллы: «Мир будет существовать не менее восьмидесяти пяти юбилеев (пятидесятилетий), и в последний юбилей придет сын Давидов». Он спросил его: «В начале или в конце юбилея». Тот ответил «Не знаю». «Завершится он, или не завершится?». Он ответил «Не знаю». (Сангедрин 97.б).

[73] «Два тысячелетия хаоса соответствует началу, потому что в начале нет ничего действительного. Два тысячелетия Торы соответствуют середине, так как все материальное имеет протяженность и только центру не свойственно ничего материального. Два тысячелетия дней Машиаха соответствуют завершению, потому что полнота в заверше-

нии, а Машиах завершает весь мир, и приводит его к единству. Поэтому приличествует („рауй“), чтобы Машиах явился к концу времен» Магараль «Нецах Исраэль» Гл 27 стр 135.

[74] Мф 26:53 «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?».

[75] Бава-Батра (12, а).

[76] Лука (21:37): «Днем Он учил в храме, а ночи, выходя, проводил на горе, называемой Масличная».

[77] Захария, (14:3–21).

[78] Мф (20:17–19) И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет.

[79] Лука 19:29 И когда приблизился к Виффагии и Вифании, к горе, называемой Елеонскою, послал двух учеников Своих, сказав: пойдите в противолежащее селение; войдя в него, найдете молодого осла привязанного, на которого никто из людей никогда не садился; отвязав его, приведите; и если кто спросит вас: зачем отвязываете? скажите ему так: он надобен Господу.

[80] Лука (19:35–38).

[81] Лука (19:41) И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду.

[82] Д. Флуссер «Иисус» (стр 146–147). «Как это обычно было в святых местах, в Храме в то время процветала торговля. Иисус не являлся единственным, у которого столы менял и скамьи продавцов голубей в священном месте вызывали недовольство, но только после смерти

Иисуса ученые-книжники нашли практические средства для того, чтобы удалить за пределы Храма торговлю, которая была необходимой частью храмовой службы».

[83] Захария (14:21).

[84] Мф 21:12 И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей.

[85] Мф. (21:17) «И, оставив их, вышел вон из города в Вифанию и провел там ночь».

[86] Мф (21:18–22).

[87] Амос 9:11.

[88] *Шур аШурим* (2.7).

[89] Диврей Аямим (Паралипоменон) (16:15–18): «Помните вечно завет Его, — слово, (что) заповедал Он на тысячу поколений, — Который заключил Он с Авраамом, и клятву Свою Ицхаку. И поставил Он это Йаакову законом, Израилю — заветом вечным.»

[90] Лука (21:37): «Днем Он учил в храме, а ночи, выходя, проводил на горе, называемой Масличная».

[91] (Мф24:1): «приступили ученики его, чтобы показать ему здания Храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено».

[92] «Йермияу сказал всем сановникам и всему народу так: Господь послал меня пророчествовать о доме этом и о городе этом все то, что вы слышали. А теперь исправьте пути ваши и деяния ваши и послушайтесь голоса Господа Бога вашего, и отменит Господь то бедствие, которое изрек о вас». (Йермияу 26:12).

[93] Малахим (9:6–8).

[94] «Смерть праведника искупает» (Мозд Катан 28.а).

«Если человек праведен, то он истинное возношение для искупления. А иной, неправедный, не пригоден для возношения, потому что порча на нем, как написано:

„и не к благоволению и т.д.“ И поэтому праведники — искупление вселенной. И приношение они во вселенной» (Зоар 1,65.а).

[95] Мф (26:1—6) Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим: вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие. Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не делалось возмущения в народе.

[96] Лука (22:7—16) «Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца, и послал Иисус Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдет он».

[97] Мк (14:10—11): «И пошел Иуда Искарот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им. Они же, услышав, обрадовались, и обещали дать ему сребренники. И он искал, как бы в удобное время предать Его».

[98] Лука (22:16) «сказал им: очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием».

[99] Формула благословения, понятная иудеям (ср. благословение плода граната на Новый год: «Да будет воля Твоя, чтобы наши заслуги умножились, как зерна граната»).

[100] Лука (22:16—19): «И, взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие. И, взяв хлеб и благодарив,

преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание».

[101] Шмуэль (13:22).

[102] Шмуэль (14:6).

[103] Тегил 118.

[104] Захария (14:3–21).

[105] Мк (14:43–44): «И тотчас, как Он еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и книжников и старейшин. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно». Йешу был связан только при передаче его римлянам: «связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату» (Мф 27:2).

[106] Иешайяу (53:4–10).

[107] Мк (14:55–62): «Опять первосвященник спросил Его и сказал Ему: Ты ли Христос (Помазанник), Сын Благословенного? Иисус сказал: Я».

[108] Лука (22:67–71).

[109] Мф (26:65–66).

[110] Мф (26:3) «Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы».

[111] Мк (15:2–6) «Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений. Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился.»

[112] «Рабби Цадок сорок лет держал пост и молился, чтобы предотвратить разрушение Иерусалима» Гитин (56.а-б).

[113] Деятельность р. Йеошуа б. Леви, обнаружившего Машиаха среди нищих, побирающихся у ворот Рима, захватывает 240 год, т.е. 4000 год еврейской хронологии (Хелек 98.)

[114] *Теилим* (82:6).

[115] Шмот (23:20). «И сказал Он: Сам Я пойду, дабы успокоить тебя. И сказал тот Ему: если не пойдешь Сам, то и не выводи нас отсюда. Ибо по чему же узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? — ведь только, если пойдешь с нами, чем и отличены будем я и народ Твой от всякого народа, существующего на земле.» Шмот (33:1–15).

[116] «Посох Моше — это Метатрон: от него проистекает жизнь, и от него же проистекает смерть. Когда он преображается в посох — он Помощник, действующий ко благу, а когда он преображается в змея, он Супостат, и Моше бежит от него» (Зоар Берешит 1 стр 158).

[117] «Сыновья Ноаха не предупреждены относительно „соучастного идолослужения“... „Соучастное идолослужение“ — это богослужение, которое с одной стороны обращено к безначальному единому Богу, Творцу неба и земли, а с другой присоединяет к нему силы телесные или какую-либо из природных сил, или человека, который их воображением поставлен на божественную высоту, но так что первый признается основой, а второй — производным. Даже если это является идолослужением для евреев, для сыновей Ноаха в этом нет ничего запретного... Христиане не являются идолослужителями» Главный раввин Израиля И. Герцог «Законы Израиля в соответствии с Торой».

[118] Деяния (1:6–7): «Они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти».

[119] «В мидраше Танхума царство это (Эсава) уподобляется свинье („вепрь лесной“), которая в конце времен должна стать кошерным животным. В будущем Святой, благословен Он, спросит с него по суду. Третий Храм будет отстроен этим народом (Эдомом), который вернет

в исходное состояние, то, что он разрушил». Рабейну Бехей комментарий на «Ваикра» (11:4—7).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	3
Йешуа Аноцри в традиции иудаизма	7
«Тот человек»	9
Фарисей	11
Рабби и Равви	16
Революция в Иудее	27
Воскресающий Бог	37
Второе пришествие	40
Антидот дополнительности	42
Версия синоптиков	47
Назначенное время	51
1	53
2	56
3	63
4	72
5	73
6	75
7	84
8	89
9	91
10	93
11	95
12	100
13	102
14	105
15	110
16	114
17	117

18	120
19	123
20	126
21	128
22	133
Примечания	135

Арье Барац

Назначенное время

Дизайнер обложки Лия Барац-Аруш

НЕ ПЕЧАТАТЬ

ISBN 978-5-0060-1185-4

